

Врачебные [секреты]

Юлия Алейникова
АНГЕЛ СМЕРТИ

Врачебные секреты

Юлия Алейникова

Ангел Смерти

«ЭКСМО»

2013

Алейникова Ю. В.

Ангел Смерти / Ю. В. Алейникова — «Эксмо»,
2013 — (Врачебные секреты)

Елена Бурмистрова, жена главного врача известной в Санкт-Петербурге больницы Анатолия Бурмистрова, задумала ни больше ни меньше, как убийство собственного супруга. И каково же было ее изумление, когда ей сообщили, что умер Бурмистров не от яда, который она ему успела подсунуть, а в результате сделанной инъекции сложного лекарственного препарата! Она, к счастью, невиновна, но кто же и, главное, зачем убил Анатолия, да еще в такой подходящий момент?.. Обстановка в больнице все больше накаляется... Начинают умирать люди, так или иначе связанные с главврачом, их убивают жестоко и беспощадно, одного за другим...

© Алейникова Ю. В., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	18
Глава 7	20
Глава 8	27
Глава 9	30
Глава 10	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Юлия Алейникова

Ангел Смерти

Глава 1

Лена сидела, прижавшись лбом к холодному дребезжащему стеклу, и смотрела на залитые солнцем улицы, словно бы и не видя проплывавших за окном трамвая домов.

Прошел уже месяц из отпущенных ей трех, а она так ничего и не придумала, а время неумолимо утекает – по минутам, часам, дням. И такое напряжение!

Лена прикрыла глаза, вновь вспоминая тот вечер, когда ее чудесная, идеальная, счастливая жизнь разбилась вдребезги.

Всю свою сознательную жизнь Лена гордилась собой – и не без оснований. Она была умна, красива, имела прекрасное образование. У нее были успешная карьера, счастливая полноценная семья и дом – полная чаша.

Ее супруг, Анатолий Игоревич, состоял в должности главврача одной из крупнейших больниц города. Лена работала старшим научным сотрудником в фонде графики музея истории города, она организовывала выставки, готовила новые экспозиции, писала научные статьи и при этом была безупречной женой и хозяйкой. Ее жизнь была полна гармонии и достоинства. В свои тридцать девять лет Лена сохранила подтянутую фигуру, она всегда тщательно следила за внешностью и одевалась со сдержанной элегантностью, приличествующей ее возрасту и статусу. С такой женщиной не стыдно появиться в гостях и на приеме, ее приятно представить начальству. И Лена была уверена, что в успехах мужа есть и ее немалая заслуга. Это она создала ему условия для карьерного роста, она так устроила дом, полный красоты и уюта, поддерживала в нем чистоту. Она, Лена, воспитала двух прекрасных детей, которые не хамили взрослым, читали книги, уважали родителей. Дочь училась в музыкальной школе, сын играл в теннис, оба усиленно занимались иностранными языками. В их доме никогда не разговаривали на повышенных тонах, не оскорбляли друг друга, и в этом также была заслуга Лены. Она незаметно распределила сферы ответственности, в которых каждый из супругов имел решающее слово. Лена занималась детьми и хозяйством: выбирала школы, искала репетиторов, составляла планы семейного бюджета. Анатолий обеспечивал семью. Он выделял сумму на семейный отдых, а она решала, где именно они будут отдыхать. Муж приобретал квартиру и находил ремонтную фирму, а Лена занималась дизайном и покупкой мебели. Это не значило, что они никогда не советовались друг с другом, просто каждый заранее знал, в каком случае за кем остается решающее слово. И все были счастливы.

Друзья и знакомые искренне восхищались их семьей, считая Лену и Анатолия идеальной парой. Так же считала и Лена – до того самого вечера, когда муж, поздно вернувшись домой, пригласил ее в гостиную и, прикрыв за собой дверь, сообщил своим обычным спокойным голосом, что он подал на развод.

В первые несколько секунд ей показалось, что она неправильно расслышала или не поняла, о чем именно он хочет ей сообщить, а поняв, решила, что это шутка.

– Это не шутка. Сегодня я отнес заявление в ЗАГС. У нас дети, так что разводиться будем по суду. Он состоится через три месяца. Материальные вопросы я уже решил. Квартира и дача останутся вам, на детей я буду выплачивать алименты, по двадцать тысяч рублей ежемесячно на каждого.

– Сорок тысяч получается? – автоматически повторила Лена. – Но этого будет мало, мы не сможем жить на такие деньги.

– Ты забываешь о своей зарплате, – сухо напомнил ей муж.

Действительно! Свою зарплату Лена привыкла тратить на себя. Салон красоты, косметика, подарки родным и прочие шпильки-булавки.

– Если у тебя больше нет вопросов... – проговорил, направляясь к двери, муж.

И тут Лена спохватилась.

– Но почему?! Толя, что случилось?! Я ничего не понимаю! – Она почувствовала, что впервые в жизни близка к настоящей истерике. – Как же так?! А отдых? Наш отпуск?... А юбилей?!

В сентябре у родителей мужа должен был состояться юбилей – золотая свадьба, и Лена, со свойственной ей предусмотрительностью, уже загодя занялась подготовкой, искала ресторанный зал, продумывала меню, список гостей, прикидывала, что подарить...

– Какое это имеет значение? – пожал плечами муж, глядя на нее с каким-то презрительным сожалением.

– Действительно... Прости. – Лена попробовала собраться с мыслями. – Толя, я не понимаю – почему? У нас же все так хорошо... Мы же с тобой счастливы? – Последняя фраза прозвучала скорее как вопрос, как-то жалко и неуверенно.

– Ты – да, счастлива, – подтвердил он. – А мне надоело жить, как на обложке глянцевого журнала, изображать члена великосветского семейства, разговаривать шепотом и надевать к ужину галстук!

Да, Лена всегда стремилась поддерживать в доме определенный стиль, а потому ужинали они всегда в гостиной, с парадной сервировкой и опрятно одетые. Она не допускала ношения в доме вытянутых на коленях спортивных штанов и рваных вылинявших футболок. Ей всегда казалось, что Анатолию импонирует ее стремление к эстетике, к культуре быта.

– Мне надоела жизнь в семье «высокой культуры быта», – словно в ответ на ее мысли бросил муж. – Я не социалистический плакат образцового семьянина, я живой человек, и я хочу живых отношений, а не чопорной показухи, я хочу любви, а не заезженного ритуала – по часам, два раза в неделю, с секундомером в руке.

– Толя, это... невозможно! Я так старалась, я думала, ты счастлив! Толя, это пройдет! Ты просто устал! – торопливо заговорила она, пытаясь осмыслить брошенные ей в лицо обвинения. – У нас же дети. Что они скажут?! А соседи?... Друзья?... Толя, так нельзя. Умоляю тебя, не делай этого! – Глупый, бессмысленный испуг охватил все ее существо. Это какой-то кошмар. Это жуткий сон... Это неправда! Такого просто не может быть. Это шутка! Глупая, жестокая шутка!

– Лена! Мы разводимся. Я все решил. Разговор окончен. – Голос мужа звучал четко, решительно, как на производственном совещании.

– Я не дам тебе развода! – вдруг выпалила Лена. – Не дам!

– Напрасно. Я рассчитывал на твое благоразумие, – глядя на нее равнодушными, холодными глазами, ответил муж, опускаясь в кресло. – Развод я все равно получу, но ты из-за такого своего поведения можешь сильно проиграть. Я советую тебе еще раз подумать.

Он встал и ушел в спальню. А Лена осталась в гостиной. Она опустилась на стул возле обеденного стола, рядом с прибором мужа, и просидела на этом стуле всю ночь.

Утром она вышла в кухню, накормила детей завтраком, проводила Анатолия, потом позвонила на работу и отпросилась по семейным обстоятельствам. А затем пошла в спальню и долго лежала на постели, глядя в потолок. Ей не хотелось ни есть, ни пить, ни двигаться. К трем часам дня, когда дети должны были вернуться из школы, она приказала себе встать, умыться, переодеться и накрыть на стол. Она уже все обдумала. Это просто недоразумение, кризис среднего возраста. Это пройдет. Надо только потерпеть. Никакого развода не будет! Толя обязательно успокоится, извинится перед ней, и они будут жить как прежде, никогда не вспоминая об этом кошмарном происшествии. Главное – вести себя как ни в чем не бывало.

Не устраивать скандалов, не выяснять отношений, готовить его любимую еду, следить за его одеждой, и все наладится. И так она и сделала.

Все шло гладко. Анатолий поздно возвращался домой, она не лезла к мужу с вопросами, старалась вообще пореже обращаться к нему. Детям Лена объяснила, что в больнице идет министерская проверка, поэтому папа задерживается допоздна на работе и к нему лучше не приставать. Постепенно Лена успокоилась. Все шло своим чередом, пока спустя две недели она не заглянула в ящик секретера, куда муж клал два раза в месяц деньги на хозяйственные нужды, и не обнаружила там тех самых сорока тысяч и ни копейкой больше.

Это было почти втрое меньше, чем сумма их обычного месячного бюджета. Лена задумалась. А может, она слишком легкомысленно отнеслась к происходящему? А вдруг все это вовсе не шутка? Вдруг Анатолий действительно решил развестись? Как бы абсурдно это ни звучало.

Лене вспомнились ее разведенные подруги и приятельницы, в одиночку тянувшие детей на жалкие алименты. Она всегда им сочувствовала, но в душе с неким затаенным самодовольным превосходством считала их неудачницами, не сумевшими удержать в доме мужей, создать подходящую атмосферу в семье. Обеспечить мужу комфортный уют. Теперь, вспоминая свои глупые, горделивые, недостойные мысли, она даже покраснела. Оказывается, сколько ни старайся создавать «уют и атмосферу», от подобных несчастий не застрахован никто. Даже она! Но сейчас ее мысли были заняты не столько самобичеванием, сколько воспоминаниями о постоянном финансовом цейтноте у подруг-разведенки. Денег в таких семьях всегда катастрофически не хватало. О господи! А ведь и Полина, и Никита, какими бы воспитанными они ни были, ужасно избалованы. К тому же им нужны репетиторы, иностранные языки, одежда, всякие там гаджеты... Они привыкли уезжать на отдых в Европу...

Европа! Лена вздохнула. Она уже начала разрабатывать маршрут, по которому они должны были поехать путешествовать этим летом. Составила список достопримечательностей, которые им следовало осмотреть, и ресторанов, в которых стоило пообедать. Теперь ничего этого не будет.

А образование? Еще недавно они с Толиком говорили о том, что детей нужно отправить учиться за границу. Толик предлагал Америку, Лена – Европу. Европа ближе, туда можно примчаться на помощь детям в любую минуту... Но теперь ни о какой Европе и речи быть не могло. Или Анатолий будет оплачивать их учебу отдельно? А если он не захочет этого делать?..

– Господи, ну почему он решил со мной развестись?! – Этот вопрос, заданный Леной самой себе вслух, помог ей сосредоточиться на самом главном. До сих пор размышляя о причинах его решения, она копалась в себе, придумывала оправдания его поступку, списывая все на гормоны, перестройку организма, нервные перегрузки; вспоминала всю их совместную жизнь, копалась в мелочах, но теперь ей впервые пришла мысль о том, что причина-то может быть и в другом. Не в их общей жизни. Мужья ее подруг всегда уходили из семьи к другой женщине. – О господи!..

Лена вскочила. Официально рабочий день мужа заканчивался в шесть часов вечера. Сейчас было четыре. Лена привела себя в порядок, дождалась детей, накормила их, проводила на занятия и выскочила из дома.

Машину она не водила, считала это чисто мужским занятием, предпочитая ездить на работу на общественном транспорте, изредка – на такси, а за продуктами они ездили вместе с Толиком. Но сегодня, когда время поджимало, она пожалела о своих предрассудках. Теперь, в ее новой жизни, машина им понадобится.

Глава 2

Анатолий Игоревич вышел из дверей больницы под руку с высокой стройной блондинкой в короткой норковой шубке и в высоких сапогах на шпильке. Мэрилин Монро с мозгами. Так определила типаж своей соперницы Лена. Увиденное ее ужаснуло. Ее муж, ее Толик, изменил ей! Нет!.. Еще хуже!.. Он предал ее, бросил ради другой женщины! Лена почувствовала такую горечь, обиду и опустошенность, что не заметила, как привалилась к красной кирпичной стене больницы и зарыдала в голос. Она стояла и ревела... Может быть, час, а может, и дольше. Никто не обращал на нее внимания. Она стояла за углом корпуса, в стороне от основной аллеи, и никто, кажется, не видел ни ее горя, ни ее унижения. А потом она поехала домой и всю дорогу думала: что же ей дальше делать? Как теперь жить?

Как он мог?! Этот вопрос бесконечно, сотни, тысячи раз возникал в ее голове – и не находилось на него ответа. Как ей теперь жить? Что делать? Куда возить детей на отдых? Как выезжать без машины на дачу? Что она скажет знакомым? Родителям? Другам?..

Она вспомнила всех их знакомых, которые так любили бывать у них в доме, хвалили ее как хозяйку, делали комплименты их семье, завидовали, ненавидели, презирали. Да, да! Раньше она, ослепленная собственным самодовольством, ничего этого не понимала, но теперь! Боже, какой стыд! «Лучше бы он умер, чем... так!» – в отчаянии подумала Лена. Ведь тогда она бы осталась всеми уважаемой вдовой. Ее бы жалели, ей бы помогали, сочувствовали. Конечно, тогда она лишилась бы тех самых сорока тысяч в месяц, зато сохранила бы самоуважение. К тому же у них, точнее у мужа, на счетах в разных банках – он не любил хранить деньги в одном месте – имелись значительные накопления. Господи! А ведь у нее даже на черный день ничего нет! Она так безгранично ему доверяла! Была так в нем уверена!

«Предатель! Мерзавец! Чтоб он сдох!..» Черные, неведомые ей прежде слова и мысли выплывали из глубин подсознания, наполняя ее мозг зловонным туманом ненависти, растекаясь в душе, словно чернильное пятно, выпущенное каракатицей.

Лена ехала в битком набитом автобусе, не замечая толкавшихся рядом с ней людей. Она представляла себе похороны мужа: торжественные речи, поминки, себя – всю в черном, стоящую у гроба. Да, если бы он умер до развода, они были бы спасены от позора, от нищеты, от унижения. Но Толик в прекрасной форме. Ему не грозят ни инфаркты, ни инсульты. Он их всех переживет! Он обыгрывает Никиту в теннис, регулярно ходит в бассейн, занимается в спортзале. Раньше Лена им гордилась, но теперь эта забота мужа о собственной физической форме вызвала в ней приступ ненависти и глухого раздражения. В этот момент она сама была готова его убить. Она вспоминала, как он поцеловал блондинку, стоя у машины, как та похозяйски кинула сумочку на заднее сиденье и устроилась на ее – Ленином – месте, рядом с ее – Лениным – мужем.

Убила бы его! Убила! И это спасло бы... все!

А ночью она лежала в постели рядом с Анатолием. Он продолжал спать в их общей спальне, но под отдельным одеялом. Лена чувствовала, что, ложась с ней в кровать, он словно бы опускает между ними стальную заслонку. И вот ночью, лежа с ним в кровати, она вдруг поняла, что ей нужно делать. Ей надо убить его!

Только сделать ей это следует самой. Лично. Никаких посторонних, никаких... киллеров. Свидетели ей не нужны! Лена повернулась на бок и взглянула на мужа. Он спал, лежа на спине, и на фоне освещенного фонарями окна она хорошо видела его профиль. Конечно, это должно быть что-то... безобидное. Разбить ему голову или ударить его ножом она не сможет. А значит, ей остается проверенный веками, исконно женский способ: отравление.

Лена отвернулась от мужа и вновь легла на спину. Главное – не допустить очевидных промахов и остаться вне подозрений.

Лена поняла, что больше она не может лежать, притворяясь спящей. Она тихонько встала и пошла в кухню.

Что помогает полиции найти убийцу? Наличие мотивов, возможностей... свидетели и орудие убийства. Мотив у нее есть – развод. Но об этом еще никто не знает. Даже дети. А следовательно, если она будет вести себя как ни в чем не бывало, никто об этом мотиве никогда не узнает. Главное – держать лицо, что она, к счастью, и делала. Дальше... Умереть он должен не дома, лучше всего – на работе. И яд надо достать действенный, но общедоступный. Чтобы полиция не могла потом выйти на нее через продавца. Это будет самым сложным... От этих черных мыслей Лена испытала такой подъем, что даже грядущие сложности не испортили ей настроения.

В первые три дня после принятия этого судьбоносного решения она себя чувствовала почти счастливой. Коллеги по работе даже стали интересоваться, что с ней произошло, пришлось ей придумывать какие-то оправдания, но аккуратно: потом, после убийства, ее коллег спросят, не заметили ли они в Лене каких-то странностей, те вспомнят о перепадах ее настроения и приведут придуманные ею оправдания, а полиция примется все проверять, и вот тут накладок быть не должно.

– Чепуха. стыдно говорить, – краснея, тихим шепотом отвечала коллегам Лена. – У нас с Толиком сейчас словно второй медовый месяц начался. В нашем возрасте это настоящее безумие!

Коллеги ее уверяли, что она еще молода, что с таким мужем ей просто повезло и что при таких отношениях еще и родить можно – и тут же теряли к ней интерес.

По вечерам Лена усиленно искала в компьютере полезную информацию о ядах, об их составах, о способах отравлений, об эффективности и методах получения ядовитых веществ. Дети спокойно учились, муж жил своей новой жизнью, ожидая дня развода. Но, к счастью, жил он в их квартире и попыток рассказать детям о грядущих переменах в их жизни не предпринимал, что Лену полностью устраивало. Что ее удивляло в этот период, так это полное равнодушие детей к происходившему в доме, в семье. Раньше они не реже четырех дней в неделю ужинали всей семьей. Теперь же Анатолий появлялся дома лишь поздно вечером и, как правило, абсолютно сытый. С Леной они почти не разговаривали, и даже его общение с детьми стало каким-то отстраненным, натянутым.

Никита с Полиной ничего не замечали. Они учились, бегали на тренировки и дополнительные занятия, сидели в Интернете и словно бы не видели, что творится в доме, но Лене и это было на руку. Плохо было другое. Время шло, а никакого решения проблемы она не находила.

Существовало огромное количество действенных современных ядов, действовавших медленно и эффективно, или мгновенно и эффективно, и даже таких, которые полностью распадалась в организме после смерти жертвы, так что их никак нельзя было бы выявить. Но все они были труднодоступны. Нет, их можно было купить, но Лена уже вывела аксиому о том, что обнаружение такого яда неизбежно выведет полицию на продавцов, а они сдадут ее. Впервые в жизни Лена пожалела, что она не химик. В Интернете давалась куча рекомендаций, как получить то или иное снадобье, приводились формулы... Но она совершенно ничего в этом не понимала, а самое главное, понятия не имела, где достать исходные вещества.

Время шло. Выход не находился. Лена теряла уверенность. Она с ужасом смотрела на календарь, считая в уме дни и недели. Она не могла делать никаких заметок, не могла ни с кем поделиться, даже постоянно нарастающее внутреннее напряжение ей приходилось держать под контролем. Все должно быть как всегда, твердила она себе, как мантру. На работе за ней наблюдали коллеги, дома – дети. Единственное место, где она чувствовала себя свободно и могла расслабиться, был транспорт. Иногда она мечтала сесть утром в трамвай и ехать на нем куда угодно до самой ночи. Но плакать в транспорте тоже было нельзя. А плакать хотелось, все чаще и чаще Лена чувствовала приступы невроза, иногда она была готова сорваться, ей сто-

ило огромных усилий сохранять привычное, ровное свое отношение к окружающим. Каждая мелочь грозила вывести ее из себя, чиркала по нервам, словно медиатор по струнам гитары.

Дошло до того, что ей пришлось купить сильнодействующее успокоительное, переложить таблетки в пачку из-под мезима и принимать потихоньку от окружающих.

Она с трудом заставляла себя встречаться с подругами, но отказать им было нельзя. Это нарушило бы обычный ход ее жизни. Ссылаться на вымышленные болезни тоже было нельзя, у полиции не должно будет возникнуть никаких подозрений. Она не должна лгать. Даже мелкая ложь может повлечь за собой большие неприятности. Например, она откажется от встречи с подругой, сославшись на плохое самочувствие, а полиция, поговорив с ее детьми или коллегами, выяснит, что в этот день Лена чувствовала себя хорошо и никому ни на что не жаловалась. Она, чтобы оправдаться, скажет, к примеру, что просто забыла о встрече, а полиция заявит, что это невозможно, она же сама отменила встречу. Ах да, скажет Лена, запутываясь все больше, я ходила по магазинам, забыла о встрече и вспомнила, когда уже было поздно. А что вы купили, спросят в полиции, и ей вновь придется выкручиваться и что-то врать. Этого нельзя было допустить. Вся мировая детективная литература учит, что убийцы попадают именно на мелочах, а еще чаще – на вранье. Поэтому врать нельзя ни в коем случае. Мелкое вранье рождает большие подозрения.

И Лена тянула лямку, улыбаясь, изображая всем своим видом веселье, беззаботность и безоблачное счастье, испытывая все большую ненависть к собственной жизни и к человеку, который эту самую жизнь отравил, превратил в ад, сам при этом выйдя сухим из воды.

Да, теперь Лена ненавидела мужа, ненавидела по-настоящему. Еще никогда в жизни она не испытывала такого сильного, всепоглощающего чувства. Теперь ей стало казаться, что она вполне может ударить его – камнем, ножом, молотком – и смотреть ему в глаза, наслаждаясь видом его страданий и боли. Ее мучило от ненависти, когда ночью она лежала рядом с ним в одной кровати, глядя на его спокойное лицо, освещенное лучами фонарей, пробивавшимися сквозь задернутые шторы. Эта ненависть мешала ей спать. Она боялась не сдержаться и наброситься на него, спящего.

Если вначале его убийство было продиктовано «производственной необходимостью», холодным расчетом, было вынужденной мерой, то теперь оно превратилось в физическую потребность, острую до боли, с которой было все труднее бороться. Лена чувствовала себя так, как, наверное, чувствует себя наркоман в период ломки, которого ежечасно дразнят дозой. Как завязавший алкоголик, которого заперли связанного в комнате с бутылкой хорошей выпивки, как умирающий от голода при виде пищи, которую нельзя тронуть. Последние два месяца так страшно изуродовали ее психику, что Лена сама начала себя бояться. Она волновалась: сможет ли она потом, когда все будет кончено, стать прежней? Стать человеком... И от этого она еще больше ненавидела его. Она удивлялась его слепоте, другой человек давно бы заметил или почуял что-то неладное и перестал бы приходить домой, оборвав все семейные связи, но Анатолий был настолько слеп – или ослеплен любовью к той бабе, – что ничего не замечал, то ли считая напускное спокойствие жены истинным, то ли он уже настолько потерял интерес к бывшей семье, что совершенно перестал обращать на них внимание.

Неизвестно, чем бы закончилась эта внутренняя борьба, сумела ли бы Лена сохранить свой рассудок, если бы не милосердная судьба, решившая их общую участь.

Глава 3

В выходные Лена приехала к родителям. Мама попросила ее помочь – надо было разобрать антресоли. Они давно собирались это сделать, но все откладывали, и вот там, в самом углу, за старой корзинкой с садовыми перчатками, Лена нашла железную банку, в которой раньше хранили крупу. Банка была ржавой и помятой, внутри был скрученный, пожелтевший от старости полиэтиленовый пакет. Лена взглянула на банку повнимательнее и, торопливо захлопнув крышку, задвинула ее обратно в угол. Это был мышьяк. Когда-то давно мама где-то раздобыла его для травли крыс на даче. Одно время они буквально атаковали их садоводство из-за разросшейся неподалеку спонтанной свалки. И свалку, и крыс давно ликвидировали, а жестянку засунули на антресоли и забыли о ней.

Дождавшись подходящего момента, Лена слезла со стремянки и спрятала банку в свою сумку. Ну вот, все и решилось.

Теперь она знала, что делать. Анатолий регулярно принимал лекарство от изжоги, предпочитая в последнее время «Орантол». Лекарство было в капсулах, их следовало принимать курсом, в течение двух недель. Раньше Лена с уверенностью могла бы сказать, как давно муж начал прием, сколько таблеток у него осталось, но теперь она не имела ни малейшего представления о его жизни, хотя, по примерным подсчетам, он должен был начать курс несколько дней назад. Ее план был очень простым и логичным. Анатолий больше не ест дома, разве что пьет кофе по утрам, следовательно, он примет свои таблетки где угодно, только не дома. А если ей повезет, то и загнется он в том же месте. Сколько времени потребуется, чтобы отравленный мышьяком человек умер, Лена с уверенностью сказать не могла, информация в Интернете была расплывчатой и неточной. Смертельная доза вещества была крайне мала, аптекарских весов у нее не имелось, поэтому надо максимально полно набить им капсулу. В любом случае нескольких часов должно хватить... К тому же такая смерть сопровождается болезненными симптомами, вряд ли Анатолий решится ехать домой с плохим самочувствием. Наверняка умрет на работе. А именно это Лене и требовалось. В пользу этого плана имелось и еще одно обстоятельство.

За долгие годы совместной жизни Лена приучила мужа к тому, что по-настоящему стильный, элегантный, состоятельный человек проявляется в мелочах. Не в дорогом костюме и «Ролексе», на которые можно накопить деньги, а в мелочах: в белье, в носках, галстучных булавках, ручках, в брючных ремнях и прочих аксессуарах. Анатолий впитал ее философию и пристрастился к дорогим безделушкам. Так, два года тому назад, в Венеции, они приобрели в средневековой аптеке антикварную безделушку: крошечную серебряную коробочку, украшенную эмалью, для хранения пилюль. Толик тогда еще в шутку спросил, не принадлежала ли она кому-нибудь из Борджиа? В таких изящных вещичках хорошо хранить яд. С тех пор он регулярно перемещал лекарства, которые должен был принимать вне дома, из фирменной упаковки в эту коробочку. Об этой его привычке знали многие, потому что Толик считал особым шиком достать ее и, демонстративно щелкнув крышечкой, принять таблетку. Пижон! Впервые в жизни Лена почувствовала отвращение к собственному мужу. Прежде он всегда казался ей почти что безупречным.

Ночью, когда муж спал крепко и безмятежно, словно честный человек, чья совесть не отягощена таким грузом, как разбитая жизнь его жены и двоих детей, Лена закрылась в ванной и, надев медицинские одноразовые перчатки, принялась за дело. В коробочке, которую она загодя вытащила у мужа из кармана, лежали восемь капсул. Начинать все она не рискнула, отложила лишь три штуки. Рано или поздно, но он их все равно примет. Проявляя максимальную осторожность, пытаясь преодолеть дрожь в руках, Лена опустошала их и наполняла капсулы ядом. Закончив работу, она прибралась, бросила в мусорное ведро перчатки и вернула на

место коробочку с лекарством. Потом она легла в кровать и до самого утра не сомкнула глаз, решая, какой должна быть ее реакция на смерть мужа.

День тянулся бесконечно, каждый стук в дверь, каждый телефонный звонок заставлял ее вздрагивать, обливаясь холодным потом, Лена все время убеждала себя, что надо расслабиться, довериться судьбе, что смерть мужа может наступить и через пять, и через шесть дней, но нервное напряжение не отпускало ее. Темные глубокие тени под глазами невозможно было скрыть никаким тональным кремом, руки ее подрагивали, она то словно впадала в ступор, то вдруг ее охватывало неестественное оживление. Сотрудники начали обращать внимание на ее состояние, задавать ей вопросы. Лена понимала всю опасность ситуации, ведь сейчас ей, как никогда прежде, надо было сохранять полнейшую безмятежность. Проведя очередную бессонную ночь, она придумала ложь, подсказанную ей, по сути, ее же коллегами. Это вранье после смерти мужа лишь добавит трагизма ее положению и не заставит ее выкручиваться, запутываясь все больше. На следующий день Мария Вениаминовна, старейшая сотрудница их фонда, давно и искренне симпатизировавшая Лене, решительно взяв за локоток, отвела Лену в сторону и, заглянув ей в глаза строгим внимательным взглядом, спросила:

– Елена Сергеевна, что случилось? Вы сама не своя, у вас произошло какое-то несчастье? Что-то в семье? – Видя, как Лена краснеет, отводя глаза, она смягчила тон и проникновенно продолжила: – Елена Сергеевна, я спрашиваю не из праздного любопытства: я очень хорошо к вам отношусь и просто не смогу спокойно смотреть, как вы себя изводите. Сейчас же признавайтесь, в чем дело, и мы вместе поищем выход.

– Неужели так заметно? – растерянно проговорила Лена. Она ожидала чего-то подобного и успела заранее подготовиться.

– Еще бы, голубчик! – самодовольно кивнула Мария Вениаминовна. – Так в чем дело?

– У меня задержка... уже две недели! – покраснев еще сильнее, прошептала Лена. – Это в моем-то возрасте! – И она взглянула на коллегу полными смущения и растерянности глазами.

– Что? Задержка? – Мария Вениаминовна фыркнула и снисходительно взглянула на Лену: – Ну, вы даете, ангел мой! В какие еще ваши годы? Да вы же молоды, здоровы, счастливы в браке, что вы дергаетесь? Идите к врачу и рожайте. Или это у вас уже гормоны играть начали?

Лена поздравила себя с правильно выбранной стратегией. Женские проблемы всегда вызывают весьма умеренное любопытство окружающих, без лишнего ажиотажа, а уж чужая глупость и вовсе вдвойне приятна. Поэтому ее поведение в данной ситуации вызовет идеальную, с ее точки зрения, реакцию окружающих.

– Но у меня же двое взрослых детей! Как они отреагируют на это? – кусая губы, пролепетала Лена.

– Дети! А муж что говорит?

– Он еще не знает. Вот, пытаюсь набраться мужества и сдать кровь на анализ, а уж тогда...

– Вот и не затягивайте, и нечего изводить себя по пустякам, – похлопала ее по плечу уже потерявшая всякий интерес к Лене Мария Вениаминовна и, окликнув проходившую мимо молодую сотрудницу, удалилась.

Больше к Лене никто особенно и не приставал. Она продолжала нервно вздрагивать, сидя на своем рабочем месте. На четвертый день Лену охватила непривычная ей глубокая апатия. Видимо, организм ее достиг предельного уровня выносливости и поставил спасительный блок.

Лена вяло разбирала старые фотографии для готовившейся новой экспозиции, посвященной очередной грани общественной жизни царской семьи Романовых, когда зазвонил ее мобильник. Даже не взглянув на дисплей, она вяло взяла телефон и без всяких эмоций произнесла «алло», почти не задумавшись о том, кто же ей звонит.

– Елена Сергеевна, вас беспокоит секретарь вашего мужа.

– Добрый день, Кайса Робертовна, – поздоровалась Елена, рассматривая кружевные оборки на платье великой княжны. До чего же изящно смотрелись кружева на старинных нарядах, сейчас они почему-то утратили всякую элегантность... – Что-то случилось?

– Да. Извините, что беспокою вас, но стряслось страшное несчастье. – На этих словах секретарша сделала паузу, словно собиралась с духом, а Лена наконец ожила и оторвала глаза от фотографии. Ее сердце вдруг бешено заколотилось, дыхание стало сбивчивым и поверхностным, а зрачки расширились. Эти перемены не остались незамеченными окружающими. Находившиеся в комнате дамы обратили взоры к эпицентру надвигающейся трагедии.

– Что случилось? – ледяным от избыточных эмоций голосом спросила Лена.

– Анатолий Игоревич только что скончался у себя в кабинете, – исполненным сочувствия и переживаний голосом произнесла секретарша и вновь сделала паузу.

– Что он сделал? – глупо переспросила Лена. Неужели... все произошло? Все сработало?! Она смогла?! – Что с ним?.. Вы меня слышите?.. Как?! Как это случилось?! Да не молчите вы!

Лена уже кричала – визгливо, безобразно, тряся трубку, чтобы как-то расшевелить молчавшую секретаршу. Таких срывов с ней никогда не случалось, ни при каких обстоятельствах. Но что удивило потом Елену, когда она, уже оказавшись дома, ночью вспоминала этот дикий день, это то, как все уместно и естественно получилось. Ее реакция выглядела верной, ожидаемой. Убитая горем вдова! Еще минуту назад – счастливая женщина, чей мир рухнул в одночасье. Подобные слова и фразы Лена потом слышала краем уха от шептавшихся вокруг людей. А их на ее вопли сбегалось немалое количество...

Весть о смерти Лениного мужа степным пожаром разнеслась по музею. Все сбежались, начали ее жалеть, соболезновать, помогать... А она – то выла, то смеялась, то беззвучно плакала, тряслась, задыхалась, выпуская наружу копившийся в душе месяцами нервный стресс и нечеловеческое напряжение. В итоге коллеги вызвали «неотложку», врачи вкололи ей успокаивающее, уложили ее в кабинете директора, а вечером, когда Лена немного пришла в себя, отвезли домой.

Дома ее уже ждали родители, свекор со свекровью, дети, две подруги, двоюродная сестра с мужем, тетя Тамара, сестра отца, и тетя Лена, сестра матери. Ей что-то говорили, обнимали ее, гладили по голове, жалели, все вокруг плакали. Лена отыскивала глазами детей. Они были как-то удивительно спокойны. Серьезны, но спокойны. А Никита даже время от времени что-то такое делал в планшете. Она подошла, обняла их, молча прижала к себе. Они ей ответили таким же крепким молчаливым объятием. А потом – она словно сквозь туман это помнила – ее отвели в спальню и вновь уложили.

Проснулась она уже глубокой ночью, с абсолютно ясной головой. Спокойная и счастливая. Лена с удивлением поняла, что испытывает чувство небывалой легкости, освобождения и глубокой спокойной радости. И тут по ее щекам тихо заструились слезы. Лена подождала, пока они все не выльются, не высохнут, встала, накинула халат и тихонько вышла из комнаты.

Глава 4

Андрей Петрович Усов сидел за рабочим столом и, подперев щеку рукой, смотрел на большой яркий плакат, висевший на противоположной стене. Белоснежный круизный лайнер скользил по бирюзовой глади моря, вдали, на горизонте, маячил поросший пальмами тропический остров.

Жена выдала ему этот плакат семь месяцев тому назад и велела повесить его в кабинете, чтобы у Андрея Петровича развивалась здоровая тяга к путешествиям и комфортному отдыху. Потому что извращенная натура Андрея Петровича всю его сознательную жизнь испытывала противоестественную тягу к средним и мелким водоемам средней полосы России, кишевшим комарьем и мухами, а также к покосившейся деревянной избе в деревне с лирическим названием Жмотовка, доставшейся ему по наследству от бабушки с дедушкой.

Проведя семь отпусков подряд в Жмотовке за чисткой щучек и окуньков, супруга Андрея Петровича выдвинула ультиматум: или они едут в этом году в круиз вокруг Европы – вынужденная жесткая экономия прошлых семи лет позволяла им это сделать, – либо она едет одна, но по возвращении ставит жирную точку в их семейной жизни.

Последнего Андрей Петрович никоим образом допустить не мог, потому что обожал супругу еще со школьной скамьи, добивался ее взаимности без малого пятнадцать лет подряд, ждал, пока не развалится ее первый брак, и лишь после ее развода и незапланированной беременности смог затащить ее в ЗАГС, где и сбылась его детская мечта. Он женился на Ирочке Крошкиной, первой красавице их класса! Так что вид белого парохода символизировал для Андрея Петровича начало какого-то нового этапа в их семейной жизни, пугающего его общей неизвестностью и даже респектабельностью.

До отпуска оставалось не больше полутора месяцев, которые Андрей Петрович планировал тихо проскрипеть, подтягивая старые хвосты, но – не тут-то было. Вчера вечером на голову Андрею Петровичу свалилось новенькое свежее дело об отравлении главврача крупной городской больницы. Дело было скверное. Во-первых, убитый – большая шишка, и кто знает, чьи интересы все это дело заденет? Во-вторых, способ убийства – отравление. В таком месте, как больница, такое под силу каждому. Медикаментов пруд пруди, и все вокруг – образованные, что делать с препаратами, знают прекрасно. Это вам не отравление с помощью сложного химического соединения одинокой пожилой вахтерши носочно-чулочной фабрики, чей племянник – кандидат химических наук. Тут все – сами себе на уме, каждого надо под подозрением держать.

Андрей Петрович вздохнул и открыл пока еще тоненькую папочку с материалами дела.

Бурмистров Анатолий Игоревич. Сорок два года. Женат. Двое детей. Морда у покойника, даже на фотографии, сытая, холеная. И до отвращения самодовольная. Видно, при жизни тот еще фрукт был! Учитывая должность покойного, врагов у него наверняка имелось предостаточно, плюс возможны «зигзаги» в личной жизни. Так что, дорогой Андрей Петрович, легкой жизни вам в ближайшее время ждать не приходится, а Ирочка как раз начала составлять список необходимых для круиза покупок. Шорты, плавки, купальники... и наверняка она захочет, чтобы он бегал вместе с ней по магазинам.

Андрей Петрович еще раз вздохнул, потер ладонью чистый высокий лоб и погрузился в работу.

Итак, умер господин Бурмистров на службе, почти в самый разгар рабочего дня, а именно в шестнадцать тридцать – шестнадцать сорок пять, и ни одна живая душа помочь ему не попыталась.

Преданная секретарша, проработавшая с ним без малого восемь лет, обнаружила его в рабочем кресле. Говорит, он еще дышал, но пока она бегала за помощью – на звонки в реанима-

ции не отвечали, – начальник скончался. Андрей Петрович вспомнил статную, высокую, монументальную, как древняя валькирия, Кайсу Робертовну Калдвее. Да... По всему видно: покойный был эстетом и выпендрежником. Кайсе Робертовне было уже хорошо за сорок, она была крашеной блондинкой с уложенными в гладкую прическу волосами. Строгая, значительная, величавая, как скандинавская королева. Разговаривала она с легким, едва заметным эстонским акцентом. Это вам не банальное длинноногое создание в мини-юбке, двадцати лет от роду, со жвачкой за щекой. Тут чувствовался шик.

Так вот, секретарша именно в это время провожала на консультацию к эндокринологу приехавшую к ней из Пярну родственницу. О своей отлучке она заранее предупредила шефа и лишь после этого отправилась по личным делам. Не было ее около часа.

За это время к Бурмистрову заглядывал на несколько минут зав. второй хирургией. В кабинет не вошел, говорил с начальством с порога. Вспомнил, что Бурмистров был бледен, угрюм, и заотделением предпочел зайти к нему в другой раз. Потому что его вопрос было бы лучше решать в спокойной обстановке.

Еще был один телефонный звонок. Звонили из бухгалтерии, по вопросам нового оборудования. Разговор был коротким, Бурмистров, сославшись на свою занятость, пообещал перезвонить позднее. Скорее всего, ему уже стало плохо, но по какой-то причине он не попросил о помощи.

Странно. Врач – и умер в больнице от отравления средь бела дня! Андрей Петрович вновь взглянул на белоснежный лайнер, скользивший по бирюзовому морю.

Прежде отравление считалось исконно женским способом убийства. Ныне оно широко применяется для устранения конкурентов, свидетелей, информаторов и так далее, то есть вышло на новый престижный уровень.

Что ж. Начнем с простейшего: с личной жизни покойного. А потом будем расширять круг поисков, собирая по крохам факты, сплетни, детали. Глаза боятся, а руки делают, подбодрил себя Андрей Петрович, твердо знавший, что не сможет уйти в отпуск, оставив дело нераскрытым. Значит, придется ему поднажать...

Глава 5

Начать Андрей Петрович решил с Кайсы Робертовны. С ней он уже беседовал.

Застал он секретаршу на рабочем месте. Кайса Робертовна, в строгом черном костюме и белой, лишенной малейших признаков кокетства блузке, разбирала папки в кабинете покойного шефа. Увидев на пороге сотрудника следственного комитета, удивления или досады она не выказала, а, сухо поздоровавшись, предложила для беседы пройти в приемную. Андрей Петрович согласился.

– Кайса Робертовна, с момента смерти Анатолия Игоревича уже прошли сутки, и у вас было время обдумать случившееся. В связи с этим мне бы хотелось спросить, не появилось ли у вас собственных версий происшедшего? Кто и почему отравил Бурмистрова? Ваше мнение, предположения, догадки.

– Андрей Петрович? Я не ошибаюсь? – со свойственным ей приятным акцентом уточнила Кайса Робертовна.

Усов кивнул.

– Разве я похожа на легкомысленную болтушку, бездумно разбрасывающую необоснованные обвинения в адрес окружающих?

Достаточно было мельком взглянуть на сидевшую напротив него женщину, чтобы получить ответ: нет! Она не была легкомысленной болтушкой. Прямая спина, строгое лицо, крупные руки, сильные, почти мужские, и открытый решительный взгляд. Она, наверное, мастерски прикрывала шефа и наверняка пользовалась его безграничным доверием.

– Хорошо. Вопрос мой прозвучал... некорректно. Больше этого не повторится. И все же вы, как никто другой, знали Анатолия Игоревича. У него были неприятности в последнее время? Личные, служебные? Может, имелись недоброжелатели или произошел какой-то конфликт в недавнем прошлом?

– Анатолий Игоревич был корректным человеком и опытным руководителем. Он не допускал конфликтных ситуаций и никогда не обижал людей. Он умел преподнести даже самую неприятную информацию доброжелательно и тонко. Он уважал людей, – взвешивая каждое слово, проговорила секретарша.

«Да: жил-был ангел! – усмехнулся про себя Андрей Петрович. – Крепкая штучка, но разговорить ее надо».

– Странно, что на пути к столь высокой должности Анатолий Игоревич умудрился не нажить врагов. Вы работаете в удивительном месте: таким человеколюбием, какое царит в вашем заведении, не всякая обитель похвастаться может, – насмешливо проговорил Андрей, провоцируя госпожу Калдвее на всплеск эмоций.

– Не вижу повода для иронии. Да, у нас работает порядочный коллектив, и хотя конфликтные ситуации порою случаются, за восемь лет моей работы в больнице не произошло ни одного убийства. – Кайса Робертовна говорила со свойственной ей неторопливостью, едва заметно растягивая согласные, отчего ее речь обретала дополнительную весомость. – Вас это, наверное, безмерно удивляет?

Легко смирившись с поражением – в конце концов, найти в больнице достаточное количество сплетниц задача несложная, и так или иначе он о местных подводных течениях все выяснит, – Андрей Петрович решил зайти с другой стороны:

– А что вы можете сообщить о семейной жизни вашего покойного начальника? Вы знакомы с его женой?

– Разумеется, мы встречались на корпоративных вечерах, как это теперь называют. Иногда я общалась с ней по телефону. Но не более того.

– И как вы считаете, господин Бурмистров был счастлив в семейной жизни?

– Безусловно. Елена Сергеевна была ему идеальной женой. За все годы знакомства я ни разу не видела, чтобы Анатолий Игоревич пришел на службу в несвежей рубашке, с пятном на костюме или в неопрятной обуви.

– И при чем тут счастье в семейной жизни? – подчеркнуто заинтересованным тоном спросил Андрей, пытаясь «раскачать» эмоциональный фон своей собеседницы.

– При том, что только хорошая жена может приучить мужа к опрятности. Хорошая – значит заботливая, внимательная и аккуратная. Носовые платки у Анатолия Игоревича всегда были исключительно свежими, на работу он приходил в неизменно ровном расположении духа. Все разговоры с женой он вел вполголоса. За все время нашей совместной работы он ни разу не повысил на жену голос. А значит, Елене Сергеевне удалось создать для мужа максимально комфортную домашнюю обстановку. К тому же у них растет двое детей, и я, опять-таки, ни разу не слышала от Анатолия Игоревича ни единой жалобы на них и не видела озабоченности на его лице при упоминаниях о его детях. Это была крепкая, можно сказать, идеальная семья.

Андрей Петрович продолжал с выражением легкой иронии на лице кивать политкорректной Кайсе Робертовне, когда дверь приемной распахнулась и на пороге появился новый персонаж.

– Кайса Робертовна, добрый день. Мне сказали, что вы беседуете с представителем следственного комитета.

– Добрый день, – холодно поздоровалась секретарша, и ее суровое лицо с крупными четкими чертами выразило еще большую нордическую непреклонность. – Вас правильно информировали, а потому я прошу вас зайти позже и не мешать работе сотрудника правоохранительных органов.

Андрей оживился. Ситуация обещала сюрпризы. Вошедшая дама обернулась к Андрею Петровичу и, решительно протянув руку, представилась:

– Скобелева Ирина Владиславовна. Юриисконсульт больницы. У меня есть важная информация по убийству Бурмистрова Анатолия Игоревича. Мы можем пройти ко мне в кабинет?

Андрей Петрович с интересом взглянул на юриисконсульта. Дама выглядела многообещающе. Высокая, с пышной белокурой шевелюрой, которая мгновенно рождала ассоциации с Мэрилин Монро, но черты лица юриисконсульта были тоньше, выражение лица – жестче, фигура, хотя и безупречная, не имела присущей американской актрисе мягкости линий. Точно: жесткость явно была главным и, возможно, единственным недостатком внешности Скобелевой Ирины Владиславовны, в остальном дама выглядела безупречно.

– Конечно, я готов выслушать вас немедленно, – поднимаясь со стула, ответил Андрей Петрович и взглянул на Кайсу Робертовну.

Лицо скандинавской королевы было грозным, как штормовое небо. Либо она хронически не выносила Скобелеву, либо догадывалась, о чем та собиралась поведать Андрею Петровичу, и была этим обстоятельством крайне раздосадована.

– Извините за отнятое время, Кайса Робертовна, если вы не возражаете, мы продолжим нашу беседу в другой раз.

– Не возражаю. К тому же у меня будет время еще раз как следует обо всем подумать. Возможно, я сумею вспомнить что-нибудь полезное, – последняя фраза прозвучала с едва уловимой ноткой угрозы, что крайне удивило Андрея Петровича. Неужели между юриисконсультом и секретаршей ведутся военные действия или имеются некие скрытые мотивы, исходя из которых Кайса Робертовна решила угрожать Железной блондинке, как окрестил про себя Скобелеву Андрей?

В любом случае Скобелева замечание Кайсы проигнорировала, просто молча покинула кабинет и устремилась вперед по коридору, показывая дорогу своему спутнику.

Глава 6

– Я знаю, кто убил Анатолия Игоревича! – с места в карьер заявила юрисконсульт, едва они вошли в ее кабинет и сели за стол.

Андрей Петрович обратился в слух. Конечно, он не вообразил, что дело уже раскрыто, но в том, что далее последует безусловно важная и интересная информация, он был уверен.

Ирина Владиславовна достала из ящика стола дорогой изящный портсигар и, вытянув оттуда тонкую сигарету, протянула портсигар собеседнику.

– Благодарю, я давно бросил курить, – смущенно улыбнулся Андрей, автоматически выбирая линию поведения, наиболее приятную для собеседницы.

Ирина Владиславовна закурила, убрала на место портсигар и, устремив на Андрея Петровича холодные серо-синие глаза, приступила к рассказу:

– Мы с Анатолием Игоревичем были любовниками. Два месяца тому назад он подал на развод и сделал мне предложение. Жена ему развод давать отказалась, хотя он предложил ей весьма выгодные финансовые условия, – сухо излагала факты Железная блондинка. – Тогда Толя пригрозил ей финансовыми санкциями и сразу же урезал суммы на хозяйство. Предупредил жену, что развод он все равно получит, а вот она из-за своей неуступчивости здорово проиграет. Его жена работает в музее старшим научным сотрудником. Зарплату она привыкла тратить на свои женские капризы, фактически живя за счет мужа. Собственных сбережений не имеет, проживает в квартире, принадлежавшей Анатолию. К тому же она страшная ханжа, маниакально зависимая от общественного мнения. Развод – это позорное клеймо для порядочной женщины! Она – единственный человек, который получает прямую и очевидную выгоду от смерти Толи. Сохранение репутации и немаленькое наследство, на которое она и ее детки могут безбедно жить в течение долгих лет.

Слова Ирины Владиславовны буквально влетали в Андрея Петровича, словно резиновые пули, ударявшие его в грудную клетку. Столь напористой и эмоционально заряженной была ее речь, несмотря на сдержанность и даже сухость формулировок. Из короткого монолога, выданного Скобелевой, Андрей вывел несколько наблюдений. Во-первых, очевидную нелюбовь Скобелевой к жене покойного, и, во-вторых, довольно-таки прохладное отношение к самому покойному.

– Ваши предположения основаны на конкретных фактах? Супруга Бурмистрова демонстрировала откровенную агрессию или угрожала ему? Может быть, она приходила в больницу и устраивала вам сцены?

– Ну что вы! – фыркнула Скобелева, приподняв вверх идеально подведенные брови. – Не тот она человек. Эта скорее ночью подушкой задушит, чем голос повысит! Анатолий всегда говорил, что он устал от такой искусственности отношений, его эта великосветская выдержанность просто бесила. Даже когда она поняла, что развод неизбежен, скандала не устроила, только спросила – почему, ведь они такая счастливая, образцовая семья! – В каждом слове, произнесенном Ириной Владиславовной, сквозил едкий, злой сарказм.

Андрей Петрович еще не встречался с женой Бурмистрова и не мог составить о ней собственного мнения, но, глядя на Скобелеву, он искренне изумлялся вкусу покойного. Что могло привлечь Бурмистрова в этой жесткой, холодной, резкой женщине?

Да, она, безусловно, красива. Большие глаза необычного цвета, с густыми, длинными, возможно, искусственными ресницами, пухлые, четко очерченные алым карандашом губы, ровный носик, безупречная кожа. Серый в серебристую полоску костюм сидел на ней, словно корсет, выставляя на всеобщее обозрение соблазнительный бюст. Товар, что называется, напозказ. Слишком уж все очевидно, слишком прямолинейно.

– Скажите, а другие версии вы не рассматриваете? Ведь любой человек, занимающий столь высокий пост, неизбежно обрастает недоброжелателями. Возникают оппозиционные силы, объединяются его соперники, завистники, конкуренты... Неужели у Бурмистрова их не было?

– Разумеется, были. Но не настолько сильные, чтобы представлять собою реальную угрозу. Так, на уровне мелких пакостей, – пожала плечами Ирина Владиславовна. – Когда Анатолий претендовал на эту должность, по-настоящему сильных конкурентов у него не было. Его поддерживали в министерстве и в комитете здравоохранения, он был реально наиболее опытным, талантливым и достойным кандидатом на этот пост. Просто кому-то его назначение больше пришлось по душе, кому-то – меньше. Не более того.

– Значит, служебные мотивы вы категорически отвергаете? – простодушно поинтересовался Андрей.

– Абсолютно.

– Возможно, до вас у Анатолия Игоревича была... другая связь? – как можно более невинным тоном спросил Андрей, внимательно наблюдая за Скобелевой.

– До меня последняя связь у Толи случилась еще в институте, до его брака с мадам Бурмистровой. На протяжении семнадцати лет он был образцовым семьянином.

Вот, видимо, и сорвался, бедняга. Приложило так приложило, пожалел покойного Андрей Петрович, разглядывая сидевший перед ним классический образец расчетливой стервы.

– Кстати, уже известно, чем именно отравили Толю? – гася в пепельнице окурок, спросила Ирина Владиславовна, не глядя на собеседника.

– Да. И это не простое снотворное, которое можно купить в каждой аптеке, – уходя от конкретного ответа, проговорил Андрей. – Насколько я понимаю, супруга покойного никакого отношения к химии и фармакологии не имеет?

– Не стоит ее недооценивать! В случае необходимости она может достать все, что угодно. Даже если бы ей пришлось самого Толю попросить. Я вам очень советую провести обыск у них дома либо на работе у Бурмистровой. Я просто уверена, что вы найдете следы лекарства или сам препарат.

– А с чего вы взяли, что это было лекарство? – удивленно приподнял брови Андрей.

– Вы же сами сказали, что это не простое снотворное, я так поняла, что это редкий препарат, – не поддавалась на его уловку Скобелева.

– Ах да, – кивнул Андрей. – Я просто неточно выразился. Это не совсем лекарство. Ну что ж... Благодарю за помощь, если вы вспомните еще какие-нибудь подробности, милости прошу, звоните в любое время. Вот моя визитка.

Андрей встал, Скобелева тоже поднялась с места и, протягивая ему руку для прощания, как-то вдруг вся изогнулась, тряхнула волосами – и мгновенно преобразилась. Включила очарование, усмехнулся про себя Андрей. Немного опоздала, надо было раньше сообразить, теперь сложившееся у него впечатление уже не переломить, сколько ни сверкай «иллюминацией». Что ж, зато понятно, чем она привлекла Бурмистрова. Пара таких фейерверков – и мужчина, переживший кризис среднего возраста, образцовый муж и отец, пал к ее ногам, как спелая груша.

Так, на вдовушку взглянуть необходимо. И можно сделать это прямо сегодня, зачем откладывать? Пароход его ждать не будет. И Андрей Петрович Усов покинул клинику – и телом, и мыслями. Мыслями он перенесся на белый пароход, а телом – в подержанную «Мицубиси Лансер» и направился к Кузнецовской улице, на которой изволил проживать покойный господин Бурмистров с семейством.

Глава 7

Лена сидела дома. Со дня смерти мужа прошло уже двое суток. Родители уехали домой. Дети пошли в школу. Лена попробовала выйти на работу, но не смогла. Ее охватила бесконечная апатия. Двухмесячный стресс даром не прошел. Теперь Лена не нуждалась в успокоительном, она и так словно пребывала во сне. Кое-как, набрав номер, она позвонила на работу и сказала, что берет больничный. Ее с пониманием поддержали. Мыслимое ли дело – в таком состоянии ходить на работу!

Побродив без дела по квартире, она прошла в спальню и легла на застеленную кровать. Ей все время хотелось ощутить боль утраты, горечь невыплаканных слез, испытать еще какую-то, соответствующую случаю, естественную реакцию. Но ничего такого она не чувствовала. Даже радости не было. А ведь она столько мучилась, терзалась, мечтала и надеялась! И – ничего. Может, это кара такая – за ее злодеяние? Наказание бесчувствием? Лена не была глубоко верующим человеком. Крещеной – да, была. Молитвы знала. Праздники большие христианские соблюдала, праздновала – в соответствующих традициях. То есть соблюдала принятые обществом нормы поведения, не особенно задумываясь об их содержании. На Пасху – главное, чтобы кулич был пышным, чтобы тесто от орехов не потемнело, а не предшествующий пост и Воскресение Христово. И вот сейчас, лежа на кровати, Лена отчего-то задумалась: а не слишком ли много времени в своей жизни она уделяла форме, и не поэтому ли ушел от нее любимый муж? И был ли он любимым, а не просто привычным или, точнее, соответствующим? Соответствующим ее собственным, искусственно созданным критериям, в которые она свято уверовала, заменив ими искренние чувства и естественные проявления человеческой натуры?..

Так в древности появился этикет. Он был призван отгородить высшее сословие от низшего, подчеркнув особенность, избранность немногих, утвердив, упрочив и оправдав разницу в способах существования различных людей, рожденных свободными и равными и ведущих «свою» жизнь. Он закрывал доступ эмоциям, отгораживался от них, как стена. Это была весьма примитивная, упрощенная теория, но Лене она понравилась. Ведь она, со своим внутрисемейным этикетом, тоже отгородилась от всего и всех. Отгородилась от жизни, от неприятных эмоций, от некрасивых проявлений своей и чужой натуры. Превратила жизнь в лакированную шкатулку, которая вдруг взяла да и разлетелась вдребезги, высыпав наружу все уродливое несовершенство такого образа жизни.

Лена повернулась на бок и увидела стоявшую на туалетном столике парадную фотографию семьи. На то, чтобы получить необходимый ей снимок, они потратили в ателье дорогого модного фотографа шесть часов. Ради чего? Лена рассматривала знакомые лица, растянутые в искусственных голливудских улыбках. Они все страшно злились на нее тогда, даже Толя. Наверное, он уже тогда был знаком с этой женщиной, уже тогда обманывал Лену и мастерски «держал лицо». Ведь Лена сама его этому научила. Как гадко!

А дети? Когда муж умер, она боялась, что дети не вынесут такого удара, придется искать для них хорошего психолога; может, надо отправить их в поездку, сменить обстановку, придумать что-то еще? Но она напрасно волновалась. Вчера вечером, когда все посторонние разъехались по домам, оставив вдову с детьми одних, к ней подошел Никита и, сев рядом, взял мать за руку. Помолчав несколько минут, он поднял совершенно сухие, спокойные глаза и спросил: как они теперь будут жить?

Лена, поцеловав сына в макушку, принялась объяснять ему, что они будут очень любить друг друга, так сильно, чтобы папа мог гордиться ими. Но Никита перебил ее, с легким раздражением в голосе пояснив, что он имеет в виду вовсе не это, а то, чем они теперь будут платить за репетиторов, теннис и куда теперь будут ездить на каникулы? Выслушав ее ответ – что папа о них позаботился, – он молча кивнул головой и ушел к себе. Вскоре к нему заглянула Полина,

после короткого разговора с братом она покинула его комнату вполне довольная. Больше они об отце не говорили.

«Кого я вырастила? И с кем мне теперь придется жить?» – впервые в жизни задалась Лена по-настоящему важным вопросом. Раньше ее интересовало в основном – как жить? Красиво, тихо, достойно. Форма, сплошная форма!

Она осмотрела свою любимую комнату, серебристо-голубую, с темной, почти черной мебелью. Мебель они привезли из Таиланда. Лена выбирала ее по эскизам дизайнера и очень гордилась созданным ею интерьером, нетривиальным и благородным. Дурочка! Какая дурочка! Она часто спрашивала мужа, нравится ли ему кровать, вместо того чтобы спросить, о чем он думает, лежа в этой кровати?

Как глупо, как бессмысленно протекала ее жизнь: в суете, в самолюбовании, в гордыне, в тщетных усилиях казаться лучше, чем она есть. И вот – ей сорок, а жизнь потерпела полное фиаско. И уже ничего не исправить, она слишком стара, чтобы начать сначала. Сначала? Да она совсем рехнулась! Она убила мужа! Убила человека! Отца своих детей!

Ее апатия как-то неожиданно спала, обнажив перед ней всю глубину и ужас того, что она натворила. Она на самом деле, по-настоящему, убила человека! Господи, раньше за это расстреливали!

Впервые с начала этого кошмара Лена задумалась о том, что же она хотела сделать и сделала. Да ведь она – настоящая преступница. Она отняла чужую жизнь, это хуже, чем украсть, хуже, чем скандалить и ругаться матом! Последние слова ужасно Лену позабавили. Ведь она всю свою жизнь считала нецензурные выражения верхом невоспитанности. Она резко села на кровати и разразилась громким каркающим смехом. Смех становился все громче, ему не хватало места в груди, и она встала. Не переставая хохотать, дошла до шкафа, распахнула дверцы и с протяжным стоном бросилась всем телом на висевшие ровными рядами костюмы мужа, уцепившись за вешалки.

– Толик! Прости меня! Прости меня! Что я наделала?!

Все раскаяние, весь страх, все разочарование в себе и собственной жизни выплеснулись в бурной истерике, и вот когда Лена, свернувшись калачиком на дне шкафа, предавалась иступленным страданиям, послышался звонок в дверь.

Лена вскочила. Часы показывали начало пятого. Дети? Но еще рано, у обоих дополнительные занятия, раньше шести никто из них не должен вернуться, а родители сперва непременно позвонили бы по телефону. Кое-как поднявшись на ноги, Лена утерла заплаканное лицо подолом, даже не заметив, что именно она сделала, и побрела, пошатываясь, к двери.

За дверью стоял приличный мужчина в костюме и темной летней куртке, высокий, гладко выбритый. Словно почувствовав за дверью движение, он вскинул голову и посмотрел прямо в глаза Елены.

– Кто там? – откашлявшись, спросила убитая горем вдова, искренне надеясь, что человек просто ошибся квартирой.

– Капитан Усов, следственный отдел Фрунзенского района, – и капитан придвинул раскрытую красную книжцу поближе к глазку. – Откройте, пожалуйста.

Такой паники Лена не испытывала даже на вступительных экзаменах в университете. Они как-то узнали! Они догадались! Ее арестуют, посадят в тюрьму к настоящим преступницам, в общую камеру! Господи, что же делать?!

– Елена Сергеевна, вы меня слышите? Вам нехорошо? Вы мне откроете? – В голосе капитана послышалось искреннее беспокойство.

И Лена решилась. Каждое преступление должно быть наказано. И она открыла дверь.

Вид стоявшей на пороге женщины сразил Андрея Петровича наповал. Он едва удержался от того, чтобы не кинуться к ней, растопырив руки, в попытке защитить ее от всего мира. Подобной растерянной беззащитности и глубокого, разьедающего душу горя он давно уже не

видел. Но больше всего он был сражен разительной переменой, произошедшей во внешнем облике Елены Сергеевны Бурмистровой.

Дело в том, что, выехав из клиники в сторону Кузнецовской улицы, он вдруг изменил свои планы и направился в музей истории города, решив перед встречей с вдовой собрать о ней максимум независимых суждений, среди которых, возможно, промелькнет и зацепка к раскрытию убийства.

Услышанное в музее Андрея Петровича разочаровало. Ни о каком предполагаемом разводе никто не слышал, Елена Сергеевна вела себя все последние месяцы как обычно. И, кажется, даже опасалась случайной беременности. С мужем они были идеальной парой. Елена Сергеевна – человек редкой порядочности, культуры, воспитания и доброты, как сказали ее коллеги. Андрею Петровичу показали множество фотографий с подготовленных Еленой Сергеевной экспозиций – как правило, это были репортажи с открытия выставок, и на каждом снимке присутствовала госпожа Бурмистрова во всей красе. Стройная, высокая, с прямой спиной, идеальной осанкой, с безукоризненно уложенными волосами, опрятно и элегантно одетая. Рассматривая фото незнакомой ему пока женщины, Андрей Петрович отметил для себя несколько штрихов, которые одновременно подтверждали высказывания, сделанные в адрес Елены Сергеевны сегодня утром госпожой Скобелевой и секретаршей покойного. Елена Сергеевна была безупречна... до неестественности. Позы, выражение лица, жесты. Все было так утонченно и продуманно, словно то были постановочные кадры немого кино. Казалось, что Елену Сергеевну просто невозможно застать врасплох, с неподходящим выражением лица или неловким жестом, в позе, лишенной «естественного» изящества. И в то же время ее лицо выражало ум, интеллигентность и доброту. (Вот лицо Скобелевой никакой доброты не выражало.) Хотя, конечно, образ госпожи Бурмистровой несколько портило выражение скрытого самодовольства, то и дело появлявшееся в ее глазах. Но в целом даже это общего впечатления не портило.

Проследив трудовой путь госпожи Бурмистровой за последние три года, выслушав множество историй о ее идеальной семейной жизни, которая служила недостижимым образцом для прочих сотрудниц музея, а также подробный отчет о поведении Елены Сергеевны в момент получения трагического известия о смерти супруга, Андрей Петрович Усов наконец счел возможным покинуть стены музея и отправиться к вдове домой.

Он уже подготовился к встрече с госпожой Бурмистровой, подобрав подходящую манеру держаться, когда распахнувшая перед ним дверь женщина, убитая горем, мгновенно вытеснила из его головы все планы и отрепетированные приемы.

Она действительно была убита горем. Сымитировать такое сложно. Тем более без предварительной подготовки и недюжинного артистического таланта. А, насколько был осведомлен Андрей Петрович, театральной самодеятельностью госпожа Бурмистрова никогда не увлекалась.

В стоявшей перед ним лохматой, измученной переживаниями, неряшливой женщине в мятом пеньюаре, с красным заплаканным лицом и огромными фиолетовыми синяками вокруг глаз с трудом можно было узнать «парадную» Елену Бурмистрову.

– Вы позволите войти? – робко спросил Андрей у привалившейся к стенке прихожей хозяйки квартиры.

– Конечно... – Елена отползла в сторонку, давая пройти полицейскому, и захлопнула за ним дверь. – Подождите минутку в гостиной, мне надо одеться, – с трудом выговаривая слова, очень медленно, осторожно, словно пьяная, проговорила Елена и двинулась к спальне.

Перепады эмоционального фона – от жуткого страха до полной апатии – страшно выматывали ее, она никак не могла справиться с мыслями. Одеться... Надо одеться, подсказывала она себе, направившись к шкафу. Чтобы легче было сосредоточиться, она закрыла дверцами шкафа половину мужа и устала на вешалки со своими платьями и костюмами. В глаза Лене

бросилось темно-серое трикотажное платье. Обычно она надевала его со специальным корректирующим бельем, но сегодня ей было наплевать на детали. Впервые в жизни. Она натянула длинный балахон, подпоясала его ремешком и повернулась к зеркалу. Красное, утратившее четкость линий лицо было... безобразным. Но она ничего не стала с ним делать, ведь она – убийца, а преступление уродует человека так, что никакой макияж не поможет, так что нечего и трудиться. Кое-как пригладив волосы, Елена собрала их в простой хвост и вышла наконец из спальни.

Андрей сидел на диване в большой, дорого обставленной комнате. В каждой мелочи, в каждой безделушке чувствовался стиль. Было заметно, что каждая вещица тщательно подбиралась, ни одной случайной детали. Да, в таком доме носки где попало разбрасывать не будешь, да и в трусах ходить как-то некомфортно. Наверняка у покойного Бурмистрова был специальный наряд для дома. Что-нибудь элегантное. Этаким барин...

Возможно, в словах Скобелевой о глянцевої жизни ее любовника часть правды присутствовала и господин Бурмистров искал увеселений на стороне, движимый неосознанным желанием изведать капельку настоящей, не идеальной, грубой жизни с разбросанными где попало носками? Хотя объект для своих экспериментов он выбрал неудачно. Железная блондинка вряд ли позволяла ему настолько забыться. Надо было искать что-то попроще, а этого ему апломб и самодовольство не позволяли. Тупик. Надо было ему с женой поговорить, попробовать объяснить ей все, поделиться с ней своими переживаниями, сойти с пьедестала – и ее оттуда стащить.

В разгар этих философских размышлений его и застала вернувшаяся хозяйка дома.

– Елена Сергеевна, я расследую обстоятельства смерти вашего мужа, меня зовут Усов Андрей Петрович, – внятно и вкрадчиво проговорил Андрей, пытаясь поймать ускользающий взгляд Елены Бурмистровой.

– Расскажите мне, как это случилось? Он сильно мучился? Он умер у себя в кабинете? Мне никто ничего не говорит! – Эти слова вылетали у Елены сами по себе, без какого-либо ее участия, вместе с ее болью, гневом, отчаянием. Она должна знать все, все о том, что она натворила!

– Неужели вы не беседовали с Кайсой Робертовной? Ведь это она нашла тело.

– Нет. Я ни с кем не говорила. Пожалуйста, расскажите: ему было больно, он долго умирал? – На последней фразе Елену буквально затрясло, и она вцепилась руками в спинку соседнего стула, чтобы скрыть дрожь.

Похоже, нервы у дамочки совсем никуда, остается только удивляться таким переменам. До смерти мужа у нее выдержка была как у английской королевы, и вдруг – один удар, и она превращается в комок нервов, не владеет собой совершенно. Совсем раскисла, с недоумением и разочарованием отметил Андрей. Прежний образ Елены Сергеевны, созданный ее коллегами и Кайсой Робертовной, вызывал у него большую симпатию. Он испытывал неосознанное любопытство и, возможно, восхищение, нет, это слишком сильное слово – некое к ней уважение? Ладно, сейчас ему не до этого.

И Андрей коротко, в двух словах, объяснил Бурмистровой:

– Ваш муж скончался в течение нескольких минут от остановки сердца. По мнению экспертизы, после введения токсина он сразу же потерял сознание.

– Как?! Неужели так быстро?! – Лена не знала, что ей думать.

Толя не мучился? Неужели доза оказалась такой сильной, что даже симптомы не успели развиться? Он не мучился! Слава тебе господи, ей хоть немного легче стало...

– Да, яд был введен прямо в кровь, так что летальный исход наступил очень быстро. Даже если бы его нашли сразу же после введения препарата, спасти уже не смогли бы.

– Ввели в кровь?.. А разве... его не отравили? – Лена почему-то перестала связно мыслить.

Вчера мать сказала ей, что Толика отравили. Это было понятно, но почему следователь говорит о введении яда прямо в кровь? Не делал же он себе инъекцию содержимым капсул?..

– Совершенно верно. Его отравили, введя ядовитое вещество прямо в кровь.

– Я ничего не понимаю. – Лена большими, измученными глазами уставилась на визитера. – Я думала, он что-то съел, а получается, его убили, сделав укол?

– Совершенно верно.

– Но кто, же это сделал?! Я ничего не понимаю! – Теперь в Ленином голосе отчетливо звучали плаксивые нотки. – У меня голова как будто ватой набита. Я ничего не соображаю... Может, кофе?

Она вопросительно взглянула на Андрея, не столько предлагая угостить его, сколько справляясь – как, по его мнению, поможет ей кофе или нет? По мнению Андрея, кофе вполне мог помочь.

Вдова вела себя... как-то странно. Видно было, что она не притворяется, а действительно плохо соображает. И удивление ее было искренним, она не имела понятия, как именно убили ее мужа и кто это сделал. Но был некий краткий миг, настороживший Андрея. Что-то в ее вопросах и комментариях было неправильным... К счастью, его не позвали в кухню, а пообещали принести кофе в гостиную, и он в отсутствие хозяйки смог спокойно прокрутить в голове весь их коротенький диалог.

«...Он не мучился? Как, разве... его не отравили? Яд ввели в кровь?..»

Фразы были вроде бы совершенно безобидными, но какими-то странными. Не совсем уместными. Если бы у Андрея был повод заподозрить Елену Сергеевну, он бы подумал, что убийство мужа заказала она, причем рассчитывала на вполне определенный способ исполнения заказа. Но такое предположение явно было неправдоподобным. К тому же вдова искренне скорбит и совершенно определенно не знает, кто это сделал. Или знает?.. Так! Тут, безусловно, стоит покопаться. Если Бурмистрова не убила сама, она вполне может лично знать убийцу своего мужа.

Он не мучился, скончался за несколько минут, яд ввели в кровь.

Лена склонилась над джезвой и невидящими глазами смотрела на закипавшую воду. Как же так? Во-первых, не совпадали симптомы, а во-вторых, она точно ничего не вводила ему в кровь. Что это означает?!

Лена рухнула на стул. О человеке, оставшемся в гостиной, она уже забыла. Неужели она не виновата в смерти Толи?! Эта мысль – робкая, несмелая – проросла в ее отупевшей от страха и ужаса голове, словно первый весенний росток, пробившийся сквозь твердую мерзлую землю. Нет! Это было бы слишком хорошо и... невероятно. Не может такого быть, чтобы кто-то еще желал Толе смерти и начал действовать одновременно с ней! А почему не может? Ведь Толю отравили, и это был явно не мышьяк, а что-то более действенное и сложное по составу. А значит, она не преступница, не убийца, ее совесть чиста! Да она замышляла убийство, но не совершила его! Ее уберег ангел-хранитель, судьба, случай, что угодно, но она не убийца! Она не убийца! И уже в который раз за день она испытала эмоциональный шок.

Она не виновата! Она не убивала! Убил кто-то другой! Лена почувствовала, как мелкая дрожь сотрясла ее скрючившееся на стуле тело, и слезы радости и облегчения заструились по ее щекам.

Андрей, не дождавшись кофе в гостиной, направился в кухню и застал, в принципе, вполне ожидаемую картину. На плите кипела вода, никаким кофе тут и не пахло, а Елена Сергеевна Бурмистрова сидела на стуле и заливалась горячими слезами. Теперь Андрею в них померещилась некая сладость, а на ее распухом, красном, потерявшем форму лице отпечаталось некое подобие бессмысленной улыбки.

Внимательно рассмотрев Елену Сергеевну, Андрей всерьез задумался: а не грозит ли даме умственное помешательство и не опасно ли оставлять ее одну? Может, позвонить ее родственникам? Ни о каком допросе речи, естественно, уже не шло.

– Ой! – икнула и тут же страшно смутилась Лена, когда сквозь пелену слез заметила склонившееся над ней лицо следователя. Или кто он там по должности?... – Простите. Кажется, с кофе я не справилась... – с огромным трудом проговорила Лена, прерывая поток слез. – Вы погодите минутку, я сейчас приведу себя в порядок, возьму себя в руки...

Андрей хотел ее остановить, но Бурмистрова уже встала и, шатаясь, отправилась в ванную. Вернулась она через десять минут, и на этот раз было похоже, что она действительно взяла себя в руки. Взгляд ее стал осмысленным, слезы высохли, и даже лицо ее приобрело более или менее четкие очертания.

– Простите, – чуть охрипшим от слез голосом проговорила Бурмистрова, – обычно я так себя не веду. Садитесь, кофе сейчас все же будет. А вы пока объясните мне, что же стряслось с Толиком? Неужели это сделали преднамеренно? А самое главное – кто это сделал?

«Да, дама пришла в себя», – отметил Андрей, устраиваясь за большим овальным столом.

– Кто это сделал, нам и самим хотелось бы знать, а насчет преднамеренности – вряд ли можно случайно ввести человеку дозу смертельного яда внутримышечно.

– Значит, это был укол? Что же это за яд такой, что человек скончался так стремительно? – Голос Лены звучал все тверже. Она не виновна, и каждое новое подтверждение ее невинности делало ее сильнее. – И где была Кайса Робертовна? Ведь он скончался в кабине?

А Бурмистровой здорово полегчало! Голос твердый, кофе вон разливает, и руки даже не дрожат. Поведение вдовы все больше интересовало Андрея Петровича. Хотя он по-прежнему склонялся к мнению о ее невинности, но вот так ли крепко она сама была в ней уверена? Ведь еще двадцать минут назад она с ума сходила от горя. Или от страха? «Любопытная дамочка, однозначно, стоит заняться ею вплотную», – принял решение Андрей, беря из рук хозяйки маленькую изящную чашечку.

– Елена Сергеевна, на какую дату назначен ваш развод? – как бы невзначай спросил Андрей в тот момент, когда Бурмистрова взяла в руки свою чашку.

– Развод? – Рука ее не дрогнула, а на лице появилось выражение искреннего изумления.

Она так долго убеждала себя, что никакого развода нет и не будет, что добилась-таки нужной спонтанной реакции.

– Да, ваш с покойным супругом развод, – кивнул Андрей, отпивая глоток кофе.

– Боюсь, вы что-то перепутали, мы с мужем не собираемся разводиться. Точнее, не собирались. – Последняя поправка была произнесена ею с должной долей скорби.

Госпожа Бурмистрова окончательно оправилась, с каждой секундой она все более основательно входит в привычный для себя образ английской леди, и, кажется, помог ей в этом Андрей, сам того не ведая. Пожалуй, ему повезло, что он застал вдову в столь плачевном состоянии, хотя бы разок удалось взглянуть на нее в «естественном виде». Больше она ему такой возможности не предоставит.

– А мне кажется, что вы что-то скрываете, – продолжил беседу Андрей. – Любовница вашего мужа вполне ясно объяснила мне ситуацию. Анатолий Игоревич подал на развод и сделал ей предложение. Они собирались пожениться в середине лета.

– Простите, КТО вам это сообщил? – распрямляя спину, с видом оскорбленного королевского достоинства спросила Елена Сергеевна. – Любовница? – Последнее слово было произнесено ею брезгливо, так, словно оно марало благородные уста. – У моего мужа нет и никогда не было любовницы. Он порядочный человек и преданный семьянин, и мне бесконечно больно слышать, что едва он скончался, как менее порядочные и достойные люди принялись тут же марать его имя!

Прозвучало это весомо и убедительно. Но не для Андрея.

– Значит, вы никогда не встречались с Ириной Владиславовной Скобелевой и не слышали о ней?

– Кто это?

– Та самая любовница, она работает в больнице юрисконсультom и совершенно не скрывает связывавших ее с вашим покойным мужем отношений.

Повисла пауза. Лена никак не могла придумать правильного, достойного ответа на подобное заявление, слишком уж прямолинейное, бестактное и какое-то вызывающее. Пауза затягивалась.

– Простите, – наконец ответила Лена. – Я просто не могу придумать, что мне сказать. Я абсолютно уверена в своем муже, а что касается этой дамы... Я думаю, вы сами лучше знаете, что с ней делать и как воспринимать ее инсинуации.

«Вот это класс!» – искренне восхитился Андрей. Ни одного лишнего или фальшивого слова или жеста. Услышав подобное заявление, шестьдесят процентов женщин обрушило бы на голову соперницы град оскорблений и угроз, тридцать девять процентов залились бы горячими слезами, проклиная подлого лицемера и обманщика, отнявшего их лучшие годы. И лишь один небольшой процент сумели бы сохранить в этой ситуации лицо, не опустившись до оскорблений и истерик. Браво, госпожа Бурмистрова! Сплошное достоинство.

Глава 8

Следователь ушел. Лена закрыла за ним дверь и прошла в гостиную.

Она не виновна! Она не убийца! Господь сжалился над ней, он избавил ее и от позора, и от нравственного падения. Как далеко она зашла? Она стояла на краю пропасти. Какое счастье!

И Лена рассмеялась счастливым смехом. Все же нервы ее нуждаются в серьезном лечении... Она подлетела к бару и, достав оттуда бутылку любимого Толиного коньяка, плеснула себе внушительную порцию, потом достала коробку шоколадных конфет и, устроившись за обеденным столом, достойно отпраздновала свое спасение.

Она пьет. Пьет одна, середь бела дня, как алкоголичка! Эта мысль ее развеселила еще больше, и она, засунув в рот очередную конфету, – совершенно неинтеллигентно, так, что щеки оттопырились, как у хомяка, пошла к бару за добавкой. Второй бокал помог ей обрести гармонию, излишняя веселость ушла, пришло хмельное блаженство. Лена сидела за столом и рассматривала узоры на коробке конфет. Надо же, какое совпадение: кто-то еще решил убить Толю. Интересно, кто это? И за что? А почему, интересно, следователь вообще пришел к ней? Странный какой-то, ни о чем особенно не спрашивал, кроме этого дурацкого развода. Хорошо, что она заранее все предусмотрела. Но все же, разве он не должен был спросить ее о друзьях и коллегах мужа, о том, были ли у него враги?

Мысли эти показались Лене здоровыми и тревожными. Ведь он расследует убийство, в таком случае он должен изучать все контакты покойного. Семья, конечно, тоже входит в круг подозреваемых, но ведь Лена мужа не убивала.

– А кто об этом знает, кроме тебя? – задала она себе вслух вопрос. – Елки-палки!

Лена уже стояла на ногах, крепко сжимая от страха руки. Боже мой! А ведь у нее действительно есть мотив, и она предприняла попытку; а если они нашли капсулы «Орантола» и сделали анализ? А если она оставила какие-то отпечатки или еще чем-то себя выдала?

– Нет, нет, нет! Я была осторожна! – принялась уговаривать себя вслух Лена.

После отравления капсул она выбросила мышьяк на помойку, в нескольких кварталах от их дома. С тех пор прошла почти неделя, мусор наверняка давно вывезли на свалку, никаких следов найти невозможно. Перчатки отправились туда же. Никаких доказательств нет!

Или есть? А если следователь окажется непорядочным и решит не искать истинного убийцу, а предпочтет все свалить на нее? Ведь бывает такое?

К кому же ей обратиться? Надо пожаловаться кому-нибудь на работу этого следователя. Господи, Толя всегда знал, кому и когда звонить. У него были связи, знакомства, он мог решить любую проблему. А она? Она, безмозглая дура, всю жизнь посидела на шее у мужа, даже машину водить не научилась!

Лена вдруг осознала свою полную беспомощность перед жизнью. Она так привыкла жить за спиной у мужа, что не имела ни малейшего понятия о многих вещах. Она даже не знала, в каких банках хранятся их деньги и сколько их. Следователь спросил ее об их с мужем сбережениях, и она честно ответила, что все деньги хранились на счетах мужа, она этих вопросов не касалась. Что же до суммы накоплений, то, по словам Анатолия, они составляли несколько сотен тысяч долларов. Кажется, триста с чем-то. Книжки муж хранил в сейфе на работе... книжки? Какие книжки, сейчас у всех банковские карты! Она даже этого не знает! Лена с горечью тряхнула головой. А хранить их на работе было надежнее. Больница хорошо охранялась. Его кабинет стоял на сигнализации, в коридоре были установлены видеокamеры, а в кабинете имелся надежный сейф... даже два. Один внутри другого. Однажды Толик показывал Лене, как надежно он хранит их добро. И Лене все это вполне устраивало, мужу было лучше знать, как хранить сбережения. Ей он всегда выделял необходимые суммы. Ни в чем не отказывал, а у нее не было привычки предъявлять завышенные претензии.

И вот сейчас, после смерти Толи, она задумалась: а как она теперь получит эти деньги? Куда идти и где о них спрашивать, и не присвоят ли их чужие люди? Вопросы были отнюдь не праздные и очень ее встревожили. Надо срочно навести справки. Надо кому-то позвонить и все выяснить.

Но вот кому? Может, этому следователю? Или лучше обратиться к постороннему юристу? Конечно, не объясняя всех подробностей. Лена была в замешательстве.

А как быть с квартирой, дачей и прочим? Что ей теперь делать?

Лена зашагала по комнате. Надо позвонить подругам и спросить, нет ли у кого-нибудь знакомого грамотного юриста. Лена не привыкла обращаться к посторонним за помощью, все ее проблемы решал Толя. Но теперь его нет, а жить как-то надо, и лучше позаботиться обо всем заранее. И Лена отправилась за записной книжкой. Ни обеда, ни ужина она не приготовила, и дети, придя домой, были поражены увиденной ими картиной. На кухне стояли посреди стола грязные чашки! Кровать в спальне была смята, дверцы шкафа распахнуты, а в гостиной посреди стола высилась бутылка коньяка и грязный же бокал. Бокал стоял прямо на полировке, без всяких салфеточек. Тут же лежала открытая коробка конфет. А мама – не накрашенная, небрежно причесанная, сидела у телефона, не проявляя никакого беспокойства по поводу царившего вокруг хаоса. Впервые в жизни дети испытали настоящее потрясение, даже смерть отца не произвела на них такого впечатления. Ведь с ними была мама! Несгибаемая, надежная, железобетонная, бесстрашная, умная, рассудительная, умеющая держать любой удар. Ей было по плечу все. Она никогда не теряла присутствия духа, с ней было спокойно и надежно. И недавний разговор Никиты с матерью подтвердил их уверенность в том, что бояться нечего. Да, отца не стало, но деньги есть, а в остальном можно положиться на маму.

И теперь на их лицах читалась глубокая, неподдельная паника. Их мать не могла допустить такого! С ней что-то случилось! А что, если они переоценили ее? А если она не такая, как они думали? Что с ними будет?

– Может, она заболела? – шепотом спросила Полина, стоя в дверях гостиной и с испугом глядя на брата. – Может, у нее температура?

– Не говори ерунды. При чем здесь тогда коньяк и грязная посуда? Нет. Что-то не так! Иди к себе, я попробую поговорить с ней.

– Давай вместе. – Полине вовсе не хотелось сидеть у себя и мучиться неизвестностью, пока Никита будет разыгрывать из себя «большого».

– При тебе она не будет так откровенна. Иди. Я все тебе расскажу. И знаешь что? Убери-ка на кухне. И приготовь что-нибудь пожевать. Хоть макароны. Есть ужасно хочется.

Полина ушла, а Никита продолжал стоять в дверях, глядя на мать. Она его не замечала. Она разговаривала по телефону, держа наготове блокнот и бездумно водя ручкой по бумаге. Его мать никогда так не делала. Она либо писала, либо нет. Это была мелочь, но Никита с рождения был внимателен к мелочам. Он был очень замкнут, наблюдателен и склонен к анализу. Причем своими умозаключениями он никогда ни с кем не делился, считая откровенность явлением, близким к стриптизу. Ведь никому не приходит в голову переодеваться на людях, так почему же надо свои мысли вываливать на всеобщее обозрение? Особенно учитывая тот факт, что мысли у окружающих, как правило, были примитивными, поверхностными, убогими, крайне банальными. Сродни чухлому телу с дряблыми мышцами или женскому целлюлиту. Такие... гм... вещи рекомендуется держать при себе.

Друзей у Никиты никогда не было, но приятелей было много. Он охотно обсуждал с ними фильмы, музыку, девушек, но все его высказывания были обезличены и нейтральны, дети его неискренность ощущали, но поскольку в ней не было ничего оскорбительного или агрессивного, мирились с ней. А с годами у Никиты даже появилась репутация человека глубокого и загадочного.

На самом деле Никита этой своей замкнутостью временами тяготился, поскольку привык держать в себе не только мысли, но и чувства, и эмоции, а справиться с таким грузом в подростковом возрасте не так-то и просто. Но иначе он жить не мог, поскольку был плоть от плоти своих родителей. Особенно сильное влияние на Никиту имела мать. Она была образцом, эталоном, идеалом, абсолютно всем. Никогда в жизни Никита не встречал никого более достойного и совершенного, чем она. В основном потому, что остальные люди с удивительным легкомыслием демонстрировали миру свои слабости и несовершенства, а мать с ними всегда боролась и успешно побеждала.

Но сейчас с ней случилась беда, Никита пока не знал какая, но был готов поддержать ее, подставить плечо. Одно он знал твердо: смерть отца не могла так ее подкосить, произошло что-то еще. Он выяснит, что, и поможет ей. Обязательно.

Никита вошел в комнату и, подойдя к матери, положил руки ей на плечи, как делал иногда отец, когда она была расстроена, и тут случилось и вовсе что-то ужасное. Мама обернулась к нему, взглянула ему в лицо своими влажными несчастными глазами и, уткнувшись лицом ему в живот, заревела. Как девчонка.

Глава 9

Андрей Петрович Усов сидел у себя в кабинете и смотрел на полученную им справку. Справка была выдана районным судом Московского района и сообщала о дате слушания по делу о разводе Бурмистрова А.И. и Бурмистровой Е. С. Истцом выступал Бурмистров.

Та-ак! Андрей Петрович откинулся на спинку кресла и уперся взглядом в здоровую бело-снежную махину на плакате, символизирующую счастливую жизнь в средиземноморском раю. Похоже, покойный Бурмистров оправдал его надежды, оставив толстый пласт неразрешенных проблем в личной жизни.

Вопрос, стоявший перед Андреем, был прост. Кто соврал? Вдова или покойник?

Рассмотрим вариант первый. Бурмистрова знала о грядущем разводе, но по каким-то своим соображениям от всех скрывала этот факт, да еще так мастерски, что ни коллеги по работе, ни родственники, ни собственные дети понятия ни о чем не имели. И даже его смогла обвести вокруг пальца! Он ей поверил. Такой высокочлассный обман требует недюжинных усилий. Ведь врать приходится круглосуточно. И не просто врать, а ежесекундно имитировать полнейшее благополучие. Такие усилия должны как-то окупаться.

Бурмистрова говорила, что у мужа были накопления на сумму в триста тысяч долларов или что-то около того. Скобелева сообщила ему, что покойный обещал жене щедрое содержание в случае мирного развода. Интересно, это сколько? Вопрос был далеко не праздным, и Андрей Петрович взялся за телефон.

– Ирина Владиславовна, добрый день, Усов беспокоит, из следственного отдела. Взаимно, – кивнул головой Андрей на горячее приветствие юрисконсульта. – Ирина Владиславовна, не могли бы вы припомнить, какие именно условия предлагал господин Бурмистров супруге при разводе? Конечно, если он вообще вас информировал о своих планах, – последняя фраза была стандартным «крючком», стимулирующим откровенность оппонента.

– Разумеется, я в курсе! – тут же гордо заявила Скобелева. – Он предполагал оставить ей квартиру, дачу и ежемесячно выплачивать алименты в размере сорока тысяч рублей на детей, отдельно оплачивать их занятия, лечение и отдых. Но содержать саму Бурмистрову он, естественно, больше не собирался.

– Разумеется. Благодарю за помощь.

– Вы уже провели обыск? Нашли что-нибудь? – услышал Андрей торопливый вопрос, когда уже собирался проститься и повесить трубку.

– Я не уполномочен отвечать на подобные вопросы, – не без удовольствия ответил Усов, вешая трубку. Железная блондинка его раздражала.

Итак. Сорок тысяч в месяц. Четыреста восемьдесят тысяч в год. Плюс занятия, отдых, лечение детей. Округлим до пятисот пятидесяти. Дальше Андрею понадобился калькулятор. Триста тысяч наследства в переводе на рубли составляет примерно девять миллионов, разделить их на пятьсот пятьдесят тысяч... получается шестнадцать лет. Вряд ли Бурмистров планировал так долго выплачивать алименты. Его сыну уже шестнадцать лет, дочери двенадцать. Да. Убийство Бурмистрова, очевидно, было выгодно вдове. Но ведь не все убивают бывших мужей из-за вопроса о разводе.

Рассмотрим другой поворот. Скобелева дамочка властная, жесткая. Сперва она завела роман, подмяла под себя Бурмистрова, потом начала его шантажировать, требуя развода. Чем именно шантажировать – вопрос отдельный, тут надо покопаться. У Бурмистрова крепкая идеальная семья, двое детей, одно дело – роман на стороне, другое – развод. К такому повороту он мог быть не готов. Чтобы успокоить любовницу, он подает заявление о разводе, возможно, в ее присутствии, она успокаивается, а он планирует заявление потом тихонько забрать. Жене, естественно, о своих махинациях он ничего не сообщает. В это же время он пытается решить

вопрос со Скобелевой, разойдясь с ней любовно. Скобелева далеко не дура, она понимает, что от нее хотят избавиться, и из мстительности травит любовника. Вторая версия понравилась Андрею Петровичу больше, потому что ему не нравилась Ирина Владиславовна. А возможно, она хотела убить Бурмистрова не только из мстительности. Кто знает, что связывало эту парочку помимо любовных утех? Может, она помогала ему документы подделывать, а он ей взамен сладкую жизнь обещал, но деньги зажал? Пришлось бедняжке его грохнуть, чтобы забрать причитающуюся ей долю.

Кстати! Пора проверить сейф господина Бурмистрова и прояснить его реальное финансовое положение.

Весть о готовящемся в кабинете покойного главврача обыске облетела больницу со скоростью шквалистого ветра. Так что, когда Андрей Петрович в сопровождении директора больницы, начальника отдела по управлению персоналом, специалиста по вскрытию сейфов и старшего лейтенанта Окунькова подходил к кабинету, начальственный коридор заполняла плотная толпа сотрудников и ходячих больных, не очень-то осведомленных о сути происходящего, но очень чувствительных к нездоровым сенсациям.

– Михаил Георгиевич, – укоризненно обратился к директору больницы Андрей Петрович, – будьте любезны, наведите порядок во вверенном вам учреждении. Я же просил не афишировать происходящее!

– Клянусь вам, я представления не имею... – краснея, как барышня-гимназистка, пробормотал директор и грозно зыркнул на завкадрами, мощную матрону, отбивавшую рядом с ним чеканный шаг по казенному линолеуму крепкими ногами в удобных полумужских ботинках. – Розалия Карповна, разберитесь! – И они с Андреем Петровичем нырнули в приемную покойного Бурмистрова, где оборону держала Кайса Робертовна.

Получив разрешение на обыск, Андрей Петрович тщательно изучил записные книжки покойного, его ежедневник, планшет и телефон, но так и не смог обнаружить даже намека на код сейфа. Поэтому, прежде чем перейти к механическому вскрытию замка, они с Домодедовым – это была фамилия специалиста по сейфам – опробовали стандартный набор комбинаций, а именно даты рождения хозяина сейфа, его родных и близких, дату бракосочетания, окончания школы... Не сработало. Очевидно, Бурмистров был не так прост и доверчив, как большинство его сограждан. Ни жена, ни любовница, ни секретарша этими сведениями также не обладали. Пришлось вскрывать. Времени этот процесс в умелых руках Домодедова почти не занял, и вскоре Андрей Петрович с интересом разглядывал содержимое железного ящика.

Помимо печати и рабочих документов, Андрей Петрович обнаружил в маленьком сейфе несколько банковских карточек. Две из них явно принадлежали иностранным банкам. Сберегательная книжка Сбербанка, с накоплениями на сумму в триста тысяч пятьсот семьдесят пять евро, копии каких-то документов, а также – предположительно – ключ от банковской ячейки какого-то неизвестного банка. Все это было описано, оприходовано и тут же изъято. На протяжении всего обыска двери кабинета неоднократно пыталась штурмовать Скобелева, параллельно атакуя Андрея Петровича настойчивыми звонками с требованием ее личного присутствия при обыске и в качестве юрисконсульта больницы, и близкого Бурмистрову человека. Усов ее натиск умышленно проигнорировал, категорически запретив привлекать Железную блондинку к мероприятию.

Во-первых, ее настойчивость настораживала его. Во-вторых, Усов пока и сам не знал, что скрывается в сейфе покойного. В-третьих, он не намерен был делиться информацией с подозреваемой, и в-четвертых, слишком мало он был осведомлен об истинной природе взаимоотношений покойного Бурмистрова со Скобелевой. Пусть подергается.

Когда содержимое сейфа было изъято, Андрей Петрович отправил Окунькова с документами в контору, сам же решил остаться в клинике и побеседовать наконец с коллегами покойного главврача. Потому что версию убийства на служебной почве никто пока не отметал.

– Вы не были лично знакомы с Анатолием Игоревичем, – с легкой укоризной в голосе произнес директор больницы.

Михаил Георгиевич Дроботенко смотрел на Андрея Петровича кротким взглядом печальных, как у старого бассета, красноватых глаз. Вид директор больницы имел какой-то... несоответствующий. По мнению Андрея Петровича, современный руководитель подобного уровня должен быть бодрым, энергичным и успешным. Михаил Георгиевич был кротким, печальным и каким-то прилизанным. Его овальная по форме голова слегка утолщалась к подбородку, словно овал этот начал оплывать, будучи не в силах удерживать правильные очертания. Волосы Михаила Георгиевича, прямые, неопределенного коричневатого-русого цвета, липли к голове и так же слабовольно стекали к шее, на макушке светила маленькая, пока еще едва наметившаяся проплешина. Рыжеватые усы грустно свисали на подбородок, прикрывая безвольную линию рта. Покатые плечи, оплывшая талия, вялая походка – все в образе Михаила Георгиевича свидетельствовало о том, что перед вами сидит бесхребетный неудачник, этакий безответный кисель. И тем не менее сидел он в кресле директора крупнейшей в городе больницы, чем вызывал глубокое недоумение и настороженность со стороны Андрея Петровича.

Директор явно был не прост. Очень не прост! Андрей таких людей не любил. А потому тут же решил, что уделит кроткому Михаилу Георгиевичу особое внимание. Больно уж безобидный образ избрал себе господин Дроботенко.

– Анатолий Игоревич был человеком в высшей степени выдержанным, ответственным, вдумчивым, – продолжил Михаил Георгиевич. – Я, за долгие годы совместной работы с ним, не могу припомнить ни одного случая, чтобы он повысил на кого-нибудь голос или позволил себе резкое высказывание в адрес коллеги. На него всегда можно было положиться. Он никогда не принимал скоропалительных решений, был в высшей степени надежен, в меру решителен и дальновиден. Идеальный руководитель, идеальный подчиненный.

Да, похоже, слово «идеальный» в отношении семейства Бурмистровых превращается во что-то вроде родового проклятия. Они все идеальны. Идеальная жена, идеальный муж, идеальные дети, идеальная семья, идеальные сотрудники, руководители, начальники и подчиненные. Андрей Петрович почувствовал легкое раздражение.

– Михаил Георгиевич, давайте будем откровенны. Я расследую убийство вашего коллеги. Умышленное убийство! – надев на лицо грозную маску карающего правосудия, проговорил Андрей, сложив перед собой на столе руки и подавшись к собеседнику всем телом. – Как минимум, один враг у покойного Бурмистрова все же должен был иметься. Вам так не кажется?

Михаил Георгиевич как-то неопределенно дернул головой, словно не мог найти в себе сил признать очевидное, но совершенно немыслимое в его благополучном заведении явление.

– И в ваших интересах помочь мне обнаружить его. Иначе я справлюсь и без вашей помощи, но с большим шумом и, возможно, с неприятными для сотрудников больницы побочными последствиями.

Как и предполагал Андрей Петрович, больше всего в жизни Михаил Георгиевич не любил «шума». А еще больше, если такое вообще возможно, – побочных последствий, под которыми он, вероятно, как и Андрей Петрович, подразумевал вскрытие крупных и мелких нарушений в работе больницы, в основном в ее финансовом аспекте. А может, и еще что-то – похуже. Вся гамма переживаний директора тут же отразилась на его лице, мгновенно словно бы подернувшись рябью, как горное озеро, которое еще секунду назад сверкало зеркальной гладью и вдруг ожило и заволновалось под дуновением свежего ветерка.

– Ирина Владиславовна Скобелева была его любовницей, – выдавил наконец Михаил Георгиевич, покрываясь испариной. – Очень решительная особа. Я не знаю всех подробностей, но если кто и мог бы... – Он тяжело вздохнул и промокнул выступившие на лбу капельки пота.

– Как давно Скобелева работает в вашей больнице? – строго спросил Усов, не прерывая зрительного контакта с деморализованным Дроботенко.

– Чуть больше года.

– И как давно начались отношения Скобелевой с покойным?

– Насколько я знаю, почти сразу. Вы знаете, я в таких вещах не очень-то разбираюсь, мне сообщила об их отношениях секретарша, если хотите, я могу ее пригласить, и она все вам расскажет.

– Не стоит. Будет удобнее, если я побеседую с ней в приемной. Как зовут девушку?

– Олечка. Ольга Викторовна, – поспешно поправился Михаил Георгиевич.

– Чудненько! – кивнул Андрей Петрович, поднимаясь. – Я пока что с вами не прощаюсь, возможно, у меня еще будут к вам позже вопросы.

Андрей Петрович вышел в приемную и плотно прикрыл за собой дверь. В приемной за большим секретарским столом сидела хорошенькая брюнетка лет двадцати восьми, стройненькая, в белой блузке с пышным жабо, в узенькой темной юбке и туфлях на высоченном каблуке. Да, Михаил Георгиевич, в отличие от покойного Бурмистрова, изысканным вкусом явно не отличался.

– Олечка, ваш шеф разрешил мне похитить вас на полчаса, – ласково глядя на секретаршу, промурлыкал Андрей Петрович. – Вы не откажетесь выпить кофе с рядовым сотрудником правоохранительных органов?

Олечка расплылась в довольной улыбке и милостиво кивнула, даже не поинтересовавшись, с чего это незнакомый сотрудник органов воспылал желанием попить с ней кофе и когда это они успели познакомиться и перейти на «ты», восприняв все происходящее как должное.

Милая девушка, отметил про себя Андрей. Настоящая находка для сыщика. Если бы все его сограждане были такими же простодушными и отзывчивыми, раскрывать преступления было бы сплошным удовольствием.

Олечка радостно цокала каблучками по коридору, направляясь к кафетерию, когда им навстречу попался пожилой седовласый мужчина в халате, с аккуратной седой бородкой в духе испанских грандов Эль Греко.

– Ой, Родион Михайлович, спасибо вам большое! Маме гораздо лучше! Она теперь спит крепче меня и стала гораздо спокойнее! – Олечка кинулась к мужчине и, чмокнув его в морщинистую щеку, вернулась обратно к Андрею.

Седовласый залился румянцем, часто заморгал глазами и забормотал что-то невразумительное.

– Это Родион Михайлович, – с удовольствием пояснила Олечка. – Он раньше врачом работал, в другой больнице, а потом вышел на пенсию и к нам устроился простым санитаром! Удивительный человек. У нас его все обожают.

– А почему санитаром? – удивился Андрей.

– А он говорит, что врачей и так много, а он просто людям хочет помогать. Он одинокий, так что ему дома делать нечего, он все время на работе проводит. Мне, пожалуйста, кофе и торт шоколадный, – без всяких пауз и переходов распорядилась Олечка, поскольку они уже добрались до кафетерия.

Андрей встал в очередь, а директорская секретарша устроилась за столиком у окна. Он принес ее заказ.

– Ну, что вам рассказать? – с удовольствием слизывая взбитые сливки с ложечки, спросила Олечка, демонстрируя полнейшее понимание происходящего.

– Ну, например, о том, кто мог убить Бурмистрова? – решил поиграть в простодушие Андрей Петрович.

– Ну, вы даёте, откуда-то мне знать?! – искренне возмутилась Олечка.

– Тогда расскажите мне о его отношениях со Скобелевой, – решил удовольствоваться малым Андрей.

– Ну, Скобелева, едва у нас объявилась прошлой зимой, сразу же на главного глаз и положила. Причем так нагло, словно он только ее и дожидался! А у нас, между прочим, и до нее некоторые незамужние дамочки пытались Анатолия Игоревича к рукам прибрать – и ничего у них не вышло. Все на него уже рукой махнули. А тут появляется эта шука крашеная – и нате вам! – Олечка от возмущения затолкала в рот чуть ли не половину куска торта разом.

– Я вижу, вам Скобелева почему-то не нравится? – с легкой усмешкой спросил Андрей Петрович.

– А почему она должна мне нравиться? Только вы ей ничего не говорите, а то я вам больше ничего рассказывать не буду! – спохватилась Олечка.

– Могила! Так за что вы ее так не любите?

– А за что ее любить? Наглая, самоуверенная, строит из себя мисс Вселенную, а у самой сорок четвертый размер обуви!

– А это важно? – озабоченно спросил Андрей, стараясь сохранить серьезное выражение лица.

– Для кого как. И вообще, не понимаю, что в ней Бурмистров нашел? У нас столько симпатичных девиц работает, начиная с медсестер и заканчивая заведующими, а он эту крашеную акулу выбрал. Взять, например, Абрамову из офтальмологии, – тархтела захлеб Олечка. – И умница, и красавица, доктор наук, лицо, фигура, и человек приятный. Сколько лет она к Бурмистрову неровно дышит? И что толку? Ничего! А эта... не успела явиться – и готово дело! Куда только Кайса смотрела? – недовольно фыркнула Олечка, с грустью осматривая пустую тарелку из-под торта.

– А при чем тут Кайса Робертовна?

– Ну как же? Она за Бурмистровым бдела, как дуэнья за девицей на выданье. Честь начальственную берегла! У нас все уже давно поняли: хочешь заполучить Бурмистрова – понравься Кайсе.

– Ну и как, многим это удавалось? – с интересом спросил Андрей, собираясь принести девушке еще одно пирожное.

– Да никому, – пожала плечами Олечка.

– А как же Скобелева? Как к ней относится Кайса Робертовна?

– Как и все. Терпеть ее не может.

Гм. Любопытный крендибобель. Как же это Скобелева сумела, преодолев все заслоны, поднять под себя Анатолия Игоревича, да еще и до развода его довести?

Андрей заплатил за второе пирожное и, вернувшись за стол, продолжил начатую тему:

– А как вы думаете, Олечка, могло ли Скобелеву и Бурмистрова связывать еще что-то помимо страсти?

От слова «страсть» Олечку аж перекошило.

– Понятия не имею. Ну, связывало, наверное. Он главврач, она юрисконсульт, может, документы какие-нибудь вместе составляли. – Чувствовалось, что эта часть жизни главного врача Олечку совершенно не занимала.

– Хорошо... Как вы думаете, были ли еще у кого-нибудь в больнице мотивы для убийства Бурмистрова? Может, кто-то хотел его подсадить, или не поделили должность в прошлом, может, он кого-то уволил, понизил, а человек обиду на него затаил?

– Да нет. Вряд ли. У нас же обычная больница, – без особого энтузиазма протянула Олечка. – Мелкие пакости, клевета, анонимки – это да. Но чтобы убить? – Олечкино личико выразило глубокое сомнение.

– Неужели, кроме Скобелевой, некому было покуситься на жизнь Бурмистрова? – с недоверием переспросил Андрей.

– Понимаете, – серьезно сведя брови на переносице, проговорила секретарша. – Она единственная из наших сотрудников, кого я могу представить в роли убийцы. Причем ей и мотивов особенных не требовалось. Достаточно, чтобы Бурмистров решил с ней расстаться.

– А он решил? – насторожился Андрей.

– Понятия не имею. Я ничего такого не заметила, – с сожалением констатировала Олечка.

– А кто сейчас исполняет обязанности главврача? – поинтересовался напоследок Андрей Петрович, прощаясь с Олечкой возле кабинета директора.

– Зам главврача по медицинской части.

– Это кто? – решил уточнить Андрей Петрович.

– Примак Герман Юрьевич. Пойдемте, я вас к нему провожу, – снисходительно улыбнулась Андрею Петровичу Олечка и, по-свойски подхватив его под ручку, повела следователя по коридору.

Глава 10

– Полиция вскрыла сейф Бурмистрова. – Ирина Владиславовна сидела на краю стола в своем кабинете и нервно курила. – Я не знаю, что они там нашли! – раздраженно бросила она в ответ невидимому собеседнику. – Этот следователь, похоже, совершенно мне не доверяет. Меня не пустили в кабинет во время обыска! И это при том, что я – юрисконсульт больницы!

Ирина спрыгнула со стола и нервно прошлась по кабинету, крепко прижимая к уху телефон.

– Нет, я сама ему об этом сказала. Я же не дура. – Теперь она стояла у окна и нервно барабанила пальцами по стеклу. – Вся больница знала о наших отношениях...

– ...

– Я представления не имею о том, что он там хранил!

– ...

– Не идиот, а педант! – снова занервничала Скобелева. – Конечно, никаких связей с фондом в его бумагах обнаружить нельзя. Но зачем-то они туда полезли?..

– ...

– Да. Я спокойна.

– ...

– Да. Я попробую. Лучше у Дроботенко. Кайса мне ничего не скажет.

– ...

– Да. Я все сделаю, – торопливо согласилась Скобелева. – Нам надо увидеться. Ты сможешь сегодня приехать?

– ...

– А завтра? – В голосе Ирины Владиславовны появились столь несвойственные ей просительные нотки.

– ...

– Хорошо. Я поняла. Да.

Разговор сложился совсем не так, как она рассчитывала, и не принес ей никакого успокоения.

Ирина убрала телефон, уселась в свое рабочее кресло и задумалась. Вообще-то она никогда не была нервной особой и редко выходила из себя. Но сегодня этот мерзкий мент просто оскорбил ее. Как он посмел так нагло ее проигнорировать?! А самое главное – почему?!

Ирина задумчиво постукивала незажженной сигаретой по столу.

Как не вовремя умер Бурмистров! Да нет, о чем это она? Ему вообще незачем было умирать. А теперь – вся эта свистопляска со следствием. В больнице постоянно ошиваются дознаватели. Дергают людей...

Странно, почему они до сих пор не арестовали Бурмистрову?

По мнению Ирины, это уже должно было произойти. У Бурмистровой был мотив, возможности и, насколько представляла себе Ирина, Елена Бурмистрова была вполне способна на подобный поступок.

Ирина Владиславовна всегда внимательно выслушивала рассказы Анатолия о его семье. Это помогало ей правильно выстраивать их взаимоотношения. Она была неглупа и прекрасно знала: каким бы феерическим ни был секс, надолго удержать им мужика еще никому не удавалось. Тем более женатого. У Ирины был богатый опыт в этом вопросе.

Когда-то давно, когда она еще лелеяла надежду на устройство полноценной семейной жизни, она избегала женатых «экземпляров», считая их бесперспективными. Но со временем приоритеты Ирины Владиславовны изменились.

Она оказалась слишком умна для замужества. Ее успешная карьера и особенно ее жесткая манера вести переговоры, не подходящая для устройства личной жизни, но весьма эффективная в делах, создали Ирине определенную репутацию. Она способствовала ее продвижению наверх, к достатку и успеху, но одновременно лишала ее всяческих надежд на счастливое замужество. И тогда она подошла со свойственным ей прагматизмом к устройству личной жизни. Теперь она выбирала наиболее состоятельных и влиятельных любовников и иногда заводила одновременно несколько романов, умело маневрируя между своими поклонниками.

Эти отношения были полезны для здоровья, она не ощущала недостатка мужского внимания, не чувствовала одиночества. И не имела изнуряющих любую женщину бытовых забот. Прекрасно выглядела, поддерживала себя в тонусе. И даже рассматривала в будущем возможность рождения ребенка. Подыскать подходящего кандидата в отцы она могла бы без труда. Бездетного и пожилого, горюющего о несостоявшемся отцовстве, или, наоборот, примерного семьянина, пекущегося о своей репутации. И тот и другой стали бы неусыпно заботиться об их с ребенком благополучии. Но пока что такой потребности Ирина не испытывала. Ее жизнь была комфортна и приятна. Если не считать последних событий...

Скобелева вновь встала и прошла по кабинету. Она никак не могла понять, что случилось с Бурмистровым, что привело его к насильственной смерти? И этот вопрос ее беспокоил. Она упустила что-то важное... Но что?

Ирина считала, что она прекрасно осведомлена абсолютно обо всем, что происходит в его жизни, – и ошиблась. Что-то очень значимое осталось за кадром.

«За что убили Бурмистрова? И кто это сделал?» – в который раз задумалась Ирина.

Оба вопроса были одинаково важны. Вот уже четыре дня подряд она испытывала круглосуточное, ни на минуту не покидавшее ее беспокойство. Теперь она никому не доверяла. Ни с кем не могла быть откровенна. А самое скверное заключалось в том, что, кажется, ее саму, как ни дико это звучит, подозревают в убийстве Бурмистрова! И поскольку она не знает, кто стоит за этим отравлением, расслабляться нельзя. Ее могут подставить.

Такие случаи не редкость. Садясь в машину, она теперь каждый раз внимательно осматривала багажник и бардачок, заглядывала под сиденья. Ирина не считала это психозом или дамской истерикой. Она слишком многое повидала за свои тридцать семь лет и была прекрасно осведомлена о том, как легко можно подставить человека.

Она ни на минуту не оставляла сумочку без присмотра, а входную дверь в своей квартире снабдила «маячком», по которому могла определить, не появлялись ли в квартире непрошенные гости в ее отсутствие.

Подобное осадное положение не могло не нервировать. Особенно если учесть, что источник возможной опасности был ей неизвестен.

И еще одно беспокоило Ирину. Почему Шифрин уклоняется от встречи? «Шифрин» была ненастоящая фамилия Ириного собеседника. Просто, имея дело с людьми публичными и влиятельными, она научилась вести свои дела так, чтобы не подставлять ни их, ни себя. Это касалось записных книжек, мобильных телефонов и устных упоминаний. Никто не должен был заподозрить ее интимных отношений с тем или иным лицом. Поэтому даже наедине с собой она привыкла называть своих любовников псевдонимами. Не ласковыми именами и кличками, которые, во-первых, вызвали у нее искреннее презрение, а во-вторых, мгновенно привлекли бы к ней внимание заинтересованных лиц. А вот вымышленные фамилии, затерявшиеся в длинном списке ее абонентов, в глаза не бросались.

Ее связь с Шифриным длилась уже годы. Пожалуй, этот роман стал самым продолжительным в ее жизни. Иногда она даже задавалась вопросом: а не полюбила ли она этого мужчину? Но нет. Никаких чувств, кроме дружеского расположения, Ирина к Шифрину не испытывала. Он был умным, расчетливым, полезным, они неплохо вместе зарабатывали, прекрасно

ладили, понимая друг друга с полуслова. С ним она была более естественна и откровенна, чем с прочими своими партнерами. Ему она доверяла.

До последнего времени.

Ирина прошлась по кабинету и взглянула на часы. По всем расчетам, следовательно с компанией уже должен был покинуть больницу, а значит, самое время навестить Дроботенко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.